

ЛИАНА ВЕЙЛ

НЕНУЖНАЯ ЖЕНА

КЛЯТВА ДЛЯ КОРОЛЯ
ВОРОНОВ

Лиана Вейл

Ненужная жена. Клятва для короля воронов

<https://litres.ru/74412897>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Наш союз не подарил дому наследника. Королевский реестр подтвердил мою истинную связь с другой.

На двенадцатую годовщину муж привёл беременную любовницу, назвал меня ненужной и предложил развод. Щедрый — если не заметить мелкую строчку, по которой вместе с фамилией я отдам ему свой дар, память и право когда-нибудь иметь детей.

Я не подписала. И оказалась обвинённой в измене Короне.

Спасти меня может Северин Морвейн — хранитель Вороньего рубежа, которого все забывают с первым лучом солнца. При дворе его зовут Королём Воронов и чудовищем. Он предлагает мне клятву на семь дней: я распутую его проклятие, а он поможет доказать, что «истинная связь» моего мужа — часть куда более страшной лжи.

Только я помню Северина после рассвета. Только он первым спросил, чего хочу я. И если наша клятва порвётся, Корона заберёт не только моё имя.

ОДНОТОМНИК ХЭ

Содержание

Глава 1. Жена с изъяном	5
Глава 2. Подпись, которую я не поставлю	21
Глава 3. Человек, которого забывают	38
Глава 4. Клятва на семь дней	56
Глава 5. Дом, который забывает	73
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Лиана Вейл

Ненужная жена. Клятва для короля воронов

Глава 1. Жена с изъяном

К одиннадцати вечера золотая нить над главным входом начала осыпаться мелкой пылью. Никто, кроме меня, этого не видел. Гости продолжали проходить под гербом Эвертов, лакеи принимали плащи, музыканты в галерее мучили уже третий вальс, а обещание, которое Теодор дал распорядителю всего четыре часа назад, медленно портилось у нас над головами. «Каждый приглашённый будет принят в моём доме с должным почтением». Хорошая формулировка. Дорогая. Её вплели в праздничную защиту вместе с сотней свечей и свежими ветвями белоцвета. И всё испортила одна незамеченная кузина из обедневшей боковой ветви: дворецкий велел посадить её рядом с музыкантами, чтобы не смущала важных гостей старым платьем.

Я поднялась на две ступени, будто просто хотела лучше рассмотреть очередную прибывшую пару, и коснулась ногтем резного крыла на гербе. Нить дёрнулась. В палец вошёл короткий холодный укол, за ним пришёл запах мокрой

шерсти — так всегда пахли чужие обещания, когда начинали гнить. Пришлось нащупать слабое место и осторожно распустить два слова. Не «каждый приглашённый». Всего лишь «каждый гость, названный хозяином». Подлость осталась подлостью, зато люстра над лестницей перестала раскачиваться, а по штукатурке не пошла трещина.

— Лейна, ты опять работаешь?

Я обернулась. Теодор стоял внизу, придерживая перчатки двумя пальцами, словно они успели его чем-то оскорбить. На муже был чёрный парадный камзол с серебряным шитьём; новый, хотя он уверял, что для нашей годовщины достаточно обновить манжеты. Свет ложился на его тёмные волосы ровной полосой, скрывая седину на висках. Теодору исполнилось сорок четыре, но возраст никогда не пытались использовать против него. Мужчина с проседью считался внушительным. Женщина с первой морщиной — уставшей.

— Только исправляю формулировку, — ответила я, спускаясь. — Если не исправить сейчас, к утру защита сорвёт половину лепнины. Возможно, вместе с кем-нибудь из гостей.

— У нас нет ни одного гостя, ради которого стоило бы пожалеть лепнину.

Я всё-таки улыбнулась. Теодор умел рассмешить меня именно тогда, когда я собиралась на него обидеться, и, наверное, поэтому за двенадцать лет мы почти не ссорились. Он протянул руку, поправил узкую серебряную цепочку у меня на шее и задержал пальцы возле ключицы. Со сторо-

ны это должно было выглядеть нежностью. Я почувствовала только прохладу его перстня.

— Тебе идёт это платье, — сказал он, оглядывая меня с одобрением человека, который удачно распорядился покупкой. — Цвет делает тебя моложе.

— Насколько?

— Лет на пять.

— Значит, сегодня мне снова тридцать три. Надеюсь, гости оценят чудо.

Теодор недовольно качнул головой, но уголок его рта дрогнул. Тёмно-синее платье действительно было красивым. Не праздничным в обычном смысле: без роз, кружев и россыпи камней, которые на женщинах моего возраста уже считались отчаянной попыткой вернуть внимание. Плотный шёлк облегал талию, рукава оставляли открытыми запястья, а вышитые серебром ветви тянулись по подолу и сходились у левого бедра. Подарок Теодора. Первый без повода за последние три года — если не считать сегодняшний вечер поводом.

— Когда ты собираешься сделать объявление? — спросила я.

Его пальцы замерли на цепочке, потом отступили.

— После полуночи. Когда приедет королевский советник.

— Ты всё-таки добился места для меня в Палате?

Вопрос прозвучал тише, чем мне хотелось. Я ненавидела эту тихую надежду, сразу делавшую меня похожей на де-

вочку, которую пустят к взрослому столу, если она будет хорошо себя вести. Последние семь лет я разбирала договоры Палаты клятв в кабинете мужа: находила скрытые условия, укрепляла присяги, распускала те, что грозили убить подписавшего. На заседаниях зачитывали выводы Теодора. Мне передавали новые бумаги и иногда — коробку конфет в знак благодарности.

В прошлом месяце он сам предложил всё изменить. Сказал, что двор наконец готов увидеть во мне не только его жену. Попросил подготовить список преобразований и даже прочитал первые страницы, не перелистывая их с привычной поспешностью.

— Не торопись, — произнёс Теодор. — Ты всё узнаешь вовремя.

Он отвёл глаза к входу. Я проследила за его взглядом, но там появилась всего лишь пожилая баронесса с двумя одинаково скучающими дочерьми. Теодор едва заметно выдохнул.

— Ты кого-то ждёшь?

— Советника, я же сказал.

Ложь не всегда оставляла нить. Для этого требовалось обещание или хотя бы намерение связать себя словами. Обычная ложь была проще и потому безопаснее. Но за двенадцать лет я научилась узнавать её по тому, как муж прижимал язык к внутренней стороне щеки.

— Конечно, — сказала я и вложила ладонь в его предложенную руку.

Он повёл меня в зал. Наши обручальные печати откликнулись друг на друга мягким теплом. Серебряная нить тянулась от моего запястья к его, невидимая для остальных, и уходила выше, к золотому знаку Королевского реестра под потолком. Когда-то я могла проследить её до самого конца. Теперь она казалась мутной, местами потемневшей, но после сотен чужих договоров глаза часто подводили меня. Я решила проверить печать утром, когда отдохну. В последнее время я слишком многое откладывала на утро.

За десять минут до полуночи слуги распахнули высокие двери, и музыканты оборвали танец так неловко, что скрипка успела протянуть одинокую жалобную ноту. Сначала в зал вошёл королевский советник Варлен — маленький сухой мужчина с выпуклыми глазами и лентой через грудь. За ним показалась девушка в жемчужно-розовом платье. Теодор держал её под руку.

Я в тот момент стояла возле стола с напитками и слушала, как баронесса Лоран пересказывает мне симптомы своей мигрени. Она считала, что клятвопряха обязана разбираться во всех разновидностях магии, включая лечебную, любовную и, вероятно, кухонную. Увидев Теодора, баронесса осеклась на полуслове, перевела взгляд на меня и с такой поспешностью поставила бокал мимо подноса, что лакей едва успел

его поймать.

Девушку я знала. Иветта Лорн несколько раз приходила в Палату как помощница советника, подавала бумаги и старательно не смотрела на меня, когда Теодор диктовал ей письма. Светлые волосы она обычно собирала в скромный узел, но сегодня они лежали на плечах мягкими волнами. Жемчужно-розовый шёлк был подобран неудачно: он делал её лицо почти бесцветным. Или дело было не в платье. Иветта побледнела, заметив меня, и машинально прикрыла ладонью живот.

Теодор увидел этот жест. Его лицо на мгновение изменилось — стало внимательным, почти тёплым. Со мной он так смотрел только на документы, которые особенно долго не удавалось взломать.

Советник Варлен постучал перстнем по краю бокала. Разговоры стихли не сразу, а волнами. Кто-то ещё смеялся у дальней колонны, кто-то торопливо зашептал соседу имя Иветты. Мне не требовался дар, чтобы понять: половина приглашённых знала всё до начала приёма. Возможно, именно поэтому дальняя кухня оказалась единственным человеком в доме, кого сегодня унизили случайно.

— Друзья, — начал Теодор, подняв бокал, — благодарю вас за то, что поделили с нашим домом этот особенный вечер.

Нашим домом. Его ладонь всё ещё лежала поверх пальцев Иветты.

Я поставила свой бокал на стол, потому что стеклянная ножка начала скользить между пальцами. Баронесса рядом издала сочувственный вздох и тут же притворилась, что кашляет.

— Двенадцать лет назад, — продолжал Теодор, — я взял на себя обязательство оберегать достоинство и благополучие леди Лейны Арвель. Все эти годы она оставалась моей верной спутницей и принесла немало пользы как мне, так и Королевской палате.

Принесла пользы. Хорошая надпись для породистой лошади, которую решили отправить на покой.

По залу протянулось слабое золотистое мерцание. Праздничная защита принимала слова хозяина и примеряла их к старой брачной клятве. Я увидела, как наша серебряная нить задрожала, а затем из запястья Теодора потянулась другая — тонкая, розоватая. Она соединялась с рукой Иветты.

Не могла соединяться. Не здесь. Не под знаком Реестра, пока действовал наш брак.

Я шагнула вперёд. Каблук зацепился за край ковра, и баронесса Лоран торопливо подхватила меня под локоть. Я высвободила руку, даже не поблагодарив. В горле появился металлический привкус, словно я прикусила язык, хотя зубы были сжаты так сильно, что заболела челюсть.

— К сожалению, — сказал Теодор, и голос его стал ниже, — ни один договор не должен сохраняться, когда перестает служить благу обеих сторон. Наш союз не подарил дому

Эвертов наследника. Лейна исполнила всё, что могла исполнить, и я бесконечно благодарен ей за годы преданности. Однако Королевский реестр подтвердил мою истинную связь с леди Иветтой Лорн.

Иветта медленно сняла правую перчатку.

На внутренней стороне её запястья блеснула метка — золотой круг, пересечённый двумя тонкими линиями. Несколько женщин ахнули. Кто-то начал хлопать, но быстро перестал. Метка истинных считалась благословением, доказательством того, что магия выбрала за людей и потому избавила их от сомнений, вины и необходимости отвечать за собственную подлость.

Я смотрела не на круг, а на края линий. Они были слишком ровными. Настоящие нити всегда немного дрожали в такт пульсу; эта лежала под кожей неподвижно, как проволока в остывшем воске.

— Лейна, — Теодор наконец повернулся ко мне, — пойдёшь, пожалуйста.

Вокруг меня образовалось свободное пространство. Люди отступили бережно, стараясь не коснуться женщины, которую только что объявили лишней. Я прошла через зал, чувствуя, как под платьем по позвоночнику медленно стекает пот. Серебряные ветви на юбке цеплялись за носки туфель и шуршали громче, чем музыка несколько минут назад.

Иветта не подняла глаз.

— Ты мог предупредить меня, — сказала я, остановив-

шись напротив мужа.

— Я хотел избавить тебя от долгого ожидания и ненужных переживаний.

— Поэтому пригласил сто сорок человек посмотреть, как именно ты меня от них избавишь?

У советника Варлена задёргалось веко. Теодор чуть сильнее сжал бокал.

— Не надо превращать достойное решение в дешёвую сцену. Сегодня мы можем закончить всё с уважением друг к другу.

— Мы?

Муж коротко посмотрел на Иветту. Та прикусила губу и снова прикрыла живот. На этот раз сомнений не осталось.

— Леди Лорн ждёт ребёнка, — произнёс он. — Моего ребёнка.

Зал отдалился. Я продолжала видеть лица, распахнутые двери, свечи и белые цветы на столах, но звуки сделались вязкими, будто мне залило уши водой. Двенадцать лет лекари щупали мой живот холодными руками, считали дни, назначали горькие настои. Двенадцать лет Теодор говорил, что ребёнок не главное и что никто не имеет права винить меня. Видимо, кроме него самого. Просто для вины тоже требовалась подходящая публика.

— Поздравляю, — сказала я.

Иветта вскинула голову. В её глазах мелькнуло облегчение, настолько искреннее, что мне захотелось ударить её

сильнее, чем если бы она усмехнулась.

— Лейна, я понимаю, как вам...

— Нет. — Я посмотрела на её ладонь поверх пока ещё плоского живота. — Этого вы как раз не понимаете.

Теодор встал между нами, хотя я не двигалась. Он всегда любил предупреждать опасность, особенно ту, которую сам же и создавал.

— Достаточно. Советник подготовил документы. После подписания ты сохранишь ежегодное содержание, экипаж и дом на Западной улице. Тебе не придётся возвращаться к родственникам или думать о деньгах.

Слово «содержание» вызвало в зале движение. Несколько мужчин одобрительно закивали. Щедрость мужа уже начала превращаться в новую историю, которую завтра будут пересказывать за завтраком: канцлер Эверт поступил благородно даже с бесплодной женой. Она, разумеется, не оценила.

— Где документы? — спросила я.

Теодор расслабил плечи. Он решил, что я согласилась.

— В библиотеке. Мы можем уйти туда сейчас.

— Хорошо.

Я повернулась первой. Обручальная печать на запястье пульсировала, и с каждым шагом серебряная нить становилась темнее. Мне следовало плакать, кричать или хотя бы чувствовать ненависть. Вместо этого я считала ступени до библиотеки и думала о том, что новую нить Теодора невозможно было вплести в Реестр без помощи клятвопряхи.

И о том, что за последние годы через мои руки прошло всего три мастера, способных на такую работу.

Одной из них была я.

В библиотеке пахло воском, пылью и праздничной выпечкой, которую слуги спрятали за портьерой, чтобы позже разнести по залу. Теодор закрыл дверь, но не запер. За ней остался приглушённый гул голосов. Гости не разъезжались: слишком многие надеялись увидеть, в каком состоянии я выйду.

На письменном столе лежала красная папка. Я села в кресло Теодора, не спросив разрешения, и раскрыла её. Муж остановился напротив. Он предпочитал смотреть сверху, когда сообщал неприятные вещи, поэтому садиться не стал.

— Дом на Западной улице полностью отремонтирован, — начал он. — Я распорядился заменить мебель и нанять прислугу. Три человека, больше тебе не потребуется. Содержание будет поступать первого числа каждого месяца. Если цены изменятся, сумму можно пересмотреть через пять лет.

— Как предусмотрительно. Ты давно его ремонтируешь?

— Лейна, сейчас не время.

— Сколько?

Он потёр переносицу. Под манжетой мелькнула розовая нить, ушедшая к двери, за которой осталась Иветта.

— С начала весны.

Я кивнула и перевернула первую страницу. Весной Теодор подарил мне браслет с зелёными камнями и настоял, чтобы мы провели неделю в загородном доме. Я ещё удивлялась, почему он сам остался в столице. Видимо, любовнице и строителям было удобнее работать без моего участия.

Текст составили грамотно. Первые два листа подробно описывали имущество, содержание и право сохранить часть украшений. Самое важное спрятали на третьем, между отказом от фамилии Эверт и запретом оспаривать происхождение будущего наследника.

Я провела пальцем над строкой. Буквы дрогнули, и из чернил поднялась тонкая серая нить. «Сторона, добровольно покидающая союз, передаёт все приобретённые в браке права, преимущества и способности главе дома».

— Способности, — прочитала я вслух. — Какая любопытная собственность. Серебряный сервиз, зимний экипаж, две служанки и способность видеть клятвы.

Теодор перестал тереть переносицу.

— Это стандартная формулировка.

— Нет. В стандартной написано «магические накопления». Я исправляла её для Палаты шесть лет назад, после того как графиня Сарен вместе с приданным едва не передала мужу способность дышать.

— Ты получишь достойное обеспечение.

— А ты — мой дар.

Он обошёл стол и наконец сел напротив. Теперь между нами лежала красная папка, как небольшая аккуратная могила.

— Дар развился благодаря доступу к Королевскому реестру. Благодаря моему положению, моим связям и годам обучения, которые оплачивал дом Эвертов. Было бы справедливо оставить приобретённое там, где оно сможет приносить пользу.

Я рассматривала его лицо и никак не могла найти момент, когда оно стало чужим. Утром Теодор пил кофе напротив меня и жаловался, что повар снова пережарил хлеб. Вчера попросил проверить договор с северными купцами. Три дня назад лёг рядом, положил ладонь мне на живот и сказал, что я холодная. Не мы. Не наш брак. Я.

— Ты поэтому не хотел представлять меня Палате? — спросила я. — Потому что тогда пришлось бы признать, кому принадлежит работа?

— Не упрощай. Женщина твоего положения не может занимать должность без поддержки семьи. После развода у тебя этой поддержки не будет.

— Зато не останется и семьи, которой требуется поддерживать меня под локоть, пока она вытаскивает из меня магию.

Он раздражённо выдохнул и постучал пальцем по документу.

— Послушай себя. Я предлагаю дом, содержание и спо-

койную жизнь. Тебе тридцать восемь, Лейна. У нас нет детей. Что ты намерена делать одна? Искать нового мужа? Открыть собственную Палату? Не смей ни меня, ни себя. Подпиши бумаги, и хотя бы один из нас получит возможность построить нормальную семью.

Последние слова он произнёс не жестоко. Почти устало. Так говорят о больной лошади, которую жалко, но нельзя же из-за неё совсем отказаться от поездок.

За дверью кто-то прошёл по коридору, замедлил шаг возле библиотеки и двинулся дальше. Я опустила взгляд на страницу. В правом нижнем углу уже стояли подписи Теодора, Иветты, советника Варлена и двух свидетелей. Для меня оставили последнюю строку. Над ней дрожал крючок незавершённой клятвы, готовый впиться в моё имя, как только перо коснётся бумаги.

— А если я не подпишу?

— Подпишешь. — Теодор откинулся на спинку кресла.

— Ты всегда умела быть разумной.

Я невольно потёрла левое запястье. Под кожей ворочалась обручальная печать. Двенадцать лет назад я сама вплела в неё обещание помогать мужу во всём, что не причинит вреда нашей семье. С тех пор границы слова «вред» постепенно менялись. Сначала я работала по вечерам. Потом перестала ставить имя под заключениями. Затем начала разрывать чужие клятвы, расплачиваясь воспоминаниями. Я всё ещё знала, что у матери были светлые волосы, но уже не могла

вспомнить, как звучал её смех. Теодор каждый раз говорил, что следующая работа будет последней.

Вероятно, сегодня он впервые собирался сдержать обещание.

Я закрыла папку и выровняла её по краю стола. Пальцы больше не дрожали; дрожь поднялась выше и сидела где-то под рёбрами, мелкая, злая, почти приятная.

— Ты прав, — произнесла я. — Я всегда старалась быть разумной. Поэтому понимаю: женщина без должности, семьи и доступа к Реестру действительно окажется в крайне неприятном положении.

Теодор кивнул, и напряжение на его лице ослабло. Он потянулся к чернильнице.

— Я рад, что ты...

— Но женщина без имени и магии окажется в положении гораздо хуже.

Его рука остановилась.

Я пододвинула красную папку к нему. Не швырнула, хотя очень хотелось увидеть, как ровные листы разлетаются по любимому ковру Теодора. Не порвала документ: незавершённая клятва могла впитаться в первого, кто повредил носитель. Я просто вернула мужу приготовленное для меня будущее и впервые за весь вечер посмотрела ему прямо в глаза.

— Нет, Теодор. Подписи не будет.

Несколько секунд он молчал. За дверью снова заиграла музыка, слишком громкая и весёлая для дома, где только что

закончился двенадцатилетний брак. Теодор медленно убрал руку от чернильницы, а я заметила, как серебряная нить между нами натянулась до предела и на её потемневшей поверхности появилась первая тонкая трещина.

Глава 2. Подпись, которую я не поставлю

Трещина была тоньше волоса, но услышали её оба. Так лопается чашка, если в холодный фарфор налить кипяток. Теодор резко посмотрел на моё запястье, хотя не видел ни серебряной нити, ни тёмной щели, ползущей по ней. Он просто почувствовал: печать дёрнулась, в библиотеке стало холоднее, пламя в лампе пригнулось, а чернила покрылись мутной плёнкой. За стеной музыкант провёл смычком мимо струны.

— Что ты сделала? — спросил Теодор.

— Отказалась.

Я поднялась. Колени оказались ненадёжными, пришлось на секунду упереться ладонью в стол, но муж этого будто не заметил. Он смотрел на красную папку с оскорблённым недоумением человека, которому вернули подарок. Не разбили, не высмеяли — просто не взяли, а такого с ним не случилось уже очень давно.

— Я слышал, что ты сказала. Не нужно повторять это так, словно одного упрямства достаточно, чтобы изменить закон.

— Забавно. Пять минут назад моего согласия было достаточно, чтобы изменить всю мою жизнь.

— Твою жизнь я пытаюсь устроить. — Теодор застегнул пиджак; нижняя пуговица дважды выскользнула у него из

рук. — Ты расстроена и не понимаешь, от чего отказываешься. Дом на Западной улице стоит дороже всего имущества твоего отца. Содержание позволит тебе не считать монеты до конца дней.

— А себе оставляешь меня. Самую полезную часть, без лица, голоса и расходов на платья.

Он поморщился. Не от стыда — от моей интонации. Теодор терпеть не мог, когда неприятные вещи произносили без должной торжественности.

— Способность нельзя вырезать из человека и поставить на полку. Речь идёт о праве Палаты пользоваться созданными за годы брака наработками.

— В документе написано не «наработки».

— Формулировку можно уточнить.

— Тогда уточни. Напиши, сколько моих воспоминаний ты намерен получать ежегодно и кто будет выбирать: я забуду лицо отца или дорогу к дому, в котором выросла. Добавь, что право выбора остаётся за главой семьи. Это придаст бумаге ту ясность, которой ей сейчас недостаёт.

На этот раз он отвёл глаза. Всего на мгновение, но я почувствовала почти болезненное облегчение: значит, всё-таки понимал. Знал, почему после сложных разрывов я путала имена слуг и зачем записывала в тетрадь вкус любимого варенья. Он видел цену и не считал её причиной отказаться от покупки.

Я обошла стол. На третьем шаге серебряная нить натя-

нулась и обожгла запястье так, что перед глазами вспыхнули белые точки. Дом ещё признавал меня женой и не желал выпускать из комнаты, где муж потребовал исполнения семейной клятвы. Прекрасная забота: даже стены здесь умели удерживать женщину возле правильного мужчины.

— Сядь, Лейна.

— Нет.

— Ты сейчас повредила брачную печать. Если трещина дойдёт до узла, обратный удар заденет защиту дома.

— Я её не трогала. Печать треснула, потому что ты требуешь отдать мой дар своей беременной любовнице и называешь это благом семьи.

— Иветта не имеет отношения к твоей работе.

— Зато имеет отношение к твоей новой нити.

Он замер. Вот теперь я попала куда следовало. Не в совесть — там, судя по всему, давно было тесно, — а в страх.

— О чём ты?

— Её метка не бьётся вместе с сердцем. Края слишком ровные, нить держится не на вас обоих, а на чём-то третьем. Хочешь, я продолжу или позовём советника Варлена? Мне любопытно, почему королевский советник подписал расторжение брака до того, как жена узнала, что её собираются бросить.

Теодор молчал недолго. Потом протянул руку к шёлковому шнуру возле книжного шкафа и дёрнул дважды. В глубине дома отозвался колокольчик.

— Наконец разумное предложение, — сказал он.

— Ты и угрозы репетировал с весны?

— Я не угрожаю. Я даю тебе ещё одну возможность не уничтожить остатки собственной репутации.

В дверь постучали почти сразу. Варлен, должно быть, ждал неподалёку вместе с прочими любителями семейных представлений. Он вошёл первым — маленький, сухой, с выпуклыми глазами, от которых любой собеседник казался носителем дурных новостей. За ним появилась Иветта. Золотой круг проступал даже сквозь надетую перчатку, а розоватая нить тянулась от её руки не к Теодору, а вниз, под пол библиотеки.

К Реестру.

Иветта остановилась на пороге. Вблизи она выглядела не победительницей, а женщиной, которую слишком туго зашнуровали: бледные щёки, влажные пряди у висков, ладонь поверх живота. Я могла бы пожалеть её, если бы не помнила облегчение в её глазах после моего «поздравляю».

— Теодор сказал, вы согласились, — тихо произнесла она.

— Теодор много чего говорит. В честь этого даже устроен праздник.

Муж встал рядом с ней, не коснувшись. Осторожность показалась мне красноречивее объятий.

— Лейна отказывается подписывать и повредила брачную печать, — сказал он Варлену. — Я предупреждал, что потрясение может отразиться на её способности рассуждать здра-

во.

— Нет, — ответила я, прежде чем советник успел открыть рот. — Ты предупреждал, что я буду разумной. Определись хотя бы с одной версией.

Варлен прошёл к столу, раскрыл папку и изучил пустую строку так внимательно, словно моя подпись могла спрятаться между волокнами бумаги. Затем потрогал воздух над обручальной печатью. Прикосновения не было, но кожу кольнуло холодом.

— Повреждение действительно имеется, — сообщил он. — Леди Эверт, попытка одностороннего вмешательства в зарегистрированный союз влечёт ответственность перед Короной.

— А попытка украсть дар с помощью спрятанной строки?

— Условия имущественного соглашения не относятся к компетенции Реестра.

— Разумеется. Реестр только забирает женщину целиком, а стоимостью отдельных частей занимаются другие учреждения.

Иветта вздрогнула. Её взгляд метнулся к папке.

— О каком даре вы говорите?

Теодор положил ладонь ей между лопаток. Жест выглядел заботливым, но Иветта сразу выпрямилась и замолчала.

— Не сейчас, — произнёс он. — Советник, нам нужна процедура спорного расторжения. Чем скорее, тем лучше.

Варлен снял очки и протёр их платком. Без стёкол его гла-

за сделались ещё круглее, почти бесцветные.

— Нужны два свидетеля, открытый узел и подтверждение, что одна из сторон действует вопреки благу дома. Свидетели имеются. — Он посмотрел на меня, потом на треснувшую нить. — Самовольного повреждения печати достаточно.

— Удобно, — сказала я. — Сначала вы ставите передо мной бумаги с кражей, потом мой отказ объявляете безумием, а трещину от вашей же лжи — доказательством вины.

— Я ничего не объявлял безумием, леди Эверт. Пока.

Теодор устало потёр лоб. Наверное, именно так он выглядел на заседаниях, когда какой-нибудь провинциальный прокуритель никак не понимал, что решение уже принято и его присутствие требуется лишь для приличия.

— Проведём всё в малом регистрационном зале, — сказал он. — Лейна увидит условия без посредников и успокоится. Иветта, тебе лучше вернуться к гостям.

— Я останусь.

Он повернулся к ней. Иветта побледнела сильнее, но руку с живота убрала и впервые посмотрела на Теодора без привычного снизу вверх.

— В бумагах есть пункт о её способности? — спросила она.

— Юридическая формулировка, которая тебя не касается.

— Значит, есть.

В её голосе был не гнев, а испуг человека, обнаружившего под чужой кроватью нож и подумавшего о собственной. Благодарить за позднюю осторожность я не стала. Теодор тоже всё понял и убрал ладонь с её спины.

— Как хочешь. — Он повернулся ко мне и протянул руку.
— Идём.

Я посмотрела на его ладонь, на золотое кольцо, не снятое даже перед объявлением новой истинной любви, и прошла мимо. Серебряная нить резала кожу при каждом шаге. Мелкая ритмичная боль не давала забыть, что происходящее мне не снится, а разум пока ещё принадлежит мне.

Малый регистрационный зал находился в старой части дома, между кабинетом Теодора и галереей с портретами канцлеров Эверт. Его построили, когда главы великих домов ещё вершили закон, не снимая домашних туфель. Окон здесь не было. Золотые знаки на стенах соединялись тонкими прожилками и уходили к Королевской палате, питавшей защиту столицы тысячами правильно данных обещаний.

Я много раз работала здесь, но всегда ночью, за запертой дверью. Утром исправленные клятвы появлялись на столе Теодора, а он рассказывал Палате, что не спал до рассвета. Теперь караульные лампы осветили узкий каменный стол и круглое зеркало Реестра. Моё отражение в нём запоздало на

долю секунды. Варлен заметил и сделал вид, что нет.

Советник положил красную папку на камень. Следом — плоскую серебряную чашу, два пера и флакон с прозрачной жидкостью. Не чернилами: вытяжкой из корня правды, от которой немел язык, если человек пытался произнести ложь. Иветта встала у стены. Теодор занял место напротив меня, будто мы пришли подписывать очередной договор о поставках зерна.

— Процедура спорного расторжения не требует согласия обеих сторон, — начал Варлен. — Она требует ясного волеизъявления. Лорд Эверт заявляет, что продолжение брака угрожает будущему дома. Леди Эверт вправе принять предложенные условия либо отказаться от преимуществ и добровольно освободить имя супруга.

— А способности? — спросила я.

— Вопрос будет рассмотрен после отделения брачной нити.

— То есть когда у меня уже не останется возможности удержать их.

— То есть в установленном порядке.

Варлен провёл смоченным пальцем по краю зеркала. Из отражения поднялась наша брачная нить — тяжёлая от двенадцати лет обещаний. Трещина возле моего запястья почернела. От неё расходились ответвления к дому, должности Теодора, королевскому знаку над входом. Ещё одно, почти невидимое, уходило к красной папке.

Крючок возле строки для подписи шевельнулся.

— Вы уже привязали соглашение к узлу, — сказала я.

Варлен не поднял глаз.

— Подготовка документов требует предварительной регистрации.

— Поэтому печать треснула не от моего отказа. Вы заставили брачную клятву признать бумагу до того, как я её увидела.

— Лейна, довольно. — Теодор поставил обе ладони на каменный стол. — Подпиши исправленный вариант. Я уберу слово «способности», если оно так тебя пугает.

— А крючок оставишь. После подписи слово можно вернуть, и Реестр решит, что я согласилась с самого начала.

— Ты обвиняешь канцлера и королевского советника в подлоге, — сухо напомнил Варлен.

— Я обвиняю вас в плохом подлоге. Для хорошего вы позвали бы другую клятвопряху и не заставляли меня смотреть на швы.

Теодор наклонился ко мне. Лицо его оставалось спокойным, зато кожа над воротником пошла красными пятнами.

— Тебе кажется, что дар делает тебя незаменимой. Это опасная ошибка. Палата существовала до тебя и будет существовать после. Сейчас у тебя ещё есть дом, деньги и моё желание закончить всё достойно. Через час у тебя может не остаться даже этого.

В выпуклом боку серебряной чаши отражалась женщина

в тёмно-синем платье, с растрёпанными волосами и серым лицом. Тридцать восемь лет. Без детей, должности и дома, куда можно явиться среди ночи. На Западной улице меня ждали новые шторы, три слуги и жизнь, в которой требовалось только не задавать вопросов. На одно слабое мгновение мне захотелось взять перо — не простить, просто прекратить унижение. Разумная женщина подписала бы. Разумные женщины вообще многое подписывают, если объяснить им, сколько стоит хлеб и как мало мужчин мечтают о бесплодной жене за сорок.

Я протянула руку, и Теодор едва заметно выдохнул.

Но взяла не перо.

Мои пальцы легли на край зеркала Реестра. Холод вошёл под ногти, поднялся по костям и встретился с обручальной печатью. Нить задрожала. Я нащупала в ней своё имя — не то, которым меня звали последние двенадцать лет, а прежнее, вплетённое глубже: Лейна Арвель. Оно сохранилось в самом основании узла, сдавленное чужой фамилией, обязанностями и сотнями ночей за запертой дверью.

— Я не покидаю союз добровольно, — сказала я. Жидкость в серебряной чаше осталась прозрачной. — Не передаю дар. Не признаю эту метку истинной. Я освобождаю только своё имя.

— Убери руку, — приказал Варлен.

Теодор рванулся ко мне через стол, но поздно. Я поддела ногтем тонкий серебряный стежок и потянула.

Боль пришла не сразу. Сначала зал раскрылся.

Золотые знаки исчезли, и я увидела тысячи нитей, уходящих из домов столицы к Королевскому реестру. Брачные клятвы, родовые обещания, договоры опеки — огромная сеть держала защиту дворца и питала её обещанным. Но нити тянулись не поровну. От одних мужчин шли короткие золотые связки, почти нетронутые. От их жён — жгуты, обесцвеченные до белизны: имена, годы жизни, дар, право на детей и даже право помнить собственный дом. Всё, что пряталось в красивых словах о благе семьи.

Моя серебряная нить входила в сеть десятками корней.

— Не может быть, — выдохнула я.

Кто-то схватил меня за плечо, но в ту же секунду я увидела нить Иветты. Её пришили к регистрационному знаку свежими грубыми стежками, а сверху наложили образ истинной метки. Подделка держалась на защите Короны и потому обманула лекарей, писцов и, возможно, Иветту. Один конец уходил к её животу, живой и тёплый. Ребёнок был. Истинной пары — нет.

— Метка ложная, — сказала я, и зеркало повторило мои слова несколькими голосами. — Вы вплели её в Реестр.

Иветта отшатнулась от стены.

— Теодор?

— Она не понимает, что видит. Варлен, прекратите это.

Советник плеснул вытяжку правды на зеркало. Капли почернели, не долетев до стекла. Сеть вздрогнула, моё имя вы-

скользнуло из узла ещё на стежок и потянуло чужие нити. Ударил колокол, потом второй. По потолку побежала трещина, посыпалась белая пыль, на стенах начали гаснуть знаки дворцовой защиты.

— Отпусти! — Теодор сжал моё запястье обеими руками. На его лице наконец не осталось ни достоинства, ни усталой жалости — один голый страх. — Ты обрушишь щит над Палатой.

— Тогда отрежь свои корни от моей нити.

— Сейчас не время торговаться!

— Ты выбрал удивительно неудачный вечер, чтобы сообщить мне об этом.

Он ударил моей рукой о край зеркала. Пальцы разжались, но серебряный стежок уже вошёл под кожу. Мир вспыхнул золотом. Все договоры, которые я исправляла для Теодора, все чужие обещания хлынули назад: детский плач, речная тина, разбитая чашка, мужской голос, клянущийся не поднимать руку, и вкус яблока, которое я ела в шесть лет на ступеньках родного дома.

Я увидела ступеньки так ясно, будто могла коснуться нагретого камня. Мать стояла в дверях и звала меня обедать. На ней был светлый передник с прожжённой дырочкой возле кармана. Я подумала, что обязана удержать хотя бы это, стиснула воспоминание обеими руками — и именно поэтому почувствовала, как оно рвётся.

Камень исчез первым. Потом яблоко. Потом лицо матери,

которого я, оказывается, всё-таки ещё немного помнила.

Из носа потекла кровь. Капля упала на зеркало, и сеть оборвалась.

Меня отбросило от стола. Я ударилась спиной о пол, воздух вышел из лёгких, но вместо боли осталась чистая пустота там, где были ступеньки родного дома. Варлен кричал караулу перекрыть западный контур, Теодор держал Иветту за плечи, а она смотрела на своё запястье. Круг под перчаткой дрожал не в такт пульсу, а в такт аварийному колоколу.

Дверь распахнулась. В зал ворвались четверо королевских стражей. На их серых мундирах светились защитные руны, половина уже погасла.

— Леди Эверт совершила вмешательство в Реестр, — отчеканил Варлен, прежде чем кто-либо успел спросить. Он опустился возле зеркала и прикрыл ладонью пятно моей крови. — Покушение на защиту Короны. Возможно, клятвенная измена.

— Я пыталась вернуть своё имя, — сказала я. Голос прозвучал хрипло и слишком тихо на фоне колокола. — Проверьте узел. Там поддельная метка.

Начальник стражи посмотрел на Теодора. Не на зеркало, не на меня — на канцлера, потому что закон тоже предпочитал знать, кому принадлежит комната.

Одним приказом Теодор мог задержать Варлена и открыть узел перед независимым мастером. Вместо этого он вытер рукавом кровь с ладони и сказал:

— Уведите её. Она не оставила мне выбора.

Для ареста клятвопряхи у королевской стражи нашлись чёрные ленты с медной нитью. Одну затянули на запястьях, вторую — вокруг шеи, не туго, но достаточно, чтобы при любой попытке коснуться магии во рту появлялся вкус горелого мяса. Начальник извинился за неудобство. Я сказала, что после этого вечера его манеры почти утешают, и он решил, что лучше со мной не разговаривать.

Меня вывели через праздничный зал. Музыканты молчали, гости стояли вдоль стен, оставив посередине широкий проход. Так расступаются перед заразной больной или тележкой с навозом. Баронесса Лоран прижала платок ко рту; бедный кузен у колонны опустил голову. Никто не спросил, почему хозяйку дома ведут со связанными руками, зато все увидели кровь на моём платье. Завтра Теодору не придётся придумывать историю: гости сделают это за него, добавив к бесплодию безумие, ревность и попытку убить наследника.

Иветта осталась в регистрационном зале. Когда дверь за нами закрывалась, я услышала её голос — высокий, сорванный: она снова спрашивала Теодора о метке. Ответа я не разобрала.

Караульная комната располагалась у служебного входа и прежде служила кладовой для серебра. Из обстановки в ней

оставили стол, два стула и решётку на окне, хотя окно выходило в глухой двор, откуда было трудно сбежать даже человеку без чёрной ленты на шее. Стражник усадил меня на стул, забрал серьги, булавки из волос и обручальное кольцо. С кольцом возникла заминка: оно не снималось. Палец распух, металл впился в кожу.

— Придётся разрезать, миледи, — сказал он, не глядя мне в лицо.

— Режьте.

За щипцами послали младшего караульного. Он вернулся вместе с писцом — сонным юношей в мундире на размер больше, чем следовало. Тот поставил на стол переносную чернильницу, раскрыл журнал и долго подбирал чистую страницу, словно прочие преступления не желали соседствовать с моим.

— Имя задержанной?

— Вы только что провели меня через весь дом, — отозвалась я. — Неужели никто не представил?

Юноша покраснел, но перо не опустил.

— Для записи нужно, чтобы вы назвали себя сами.

Я открыла рот — и испугалась не суда и не щипцов, которыми уже примерялись к кольцу. Вдруг вместе со ступеньками и лицом матери Реестр забрал имя, за которое я держалась? Чёрная лента мешала почувствовать нить; под ней осталась только саднящая кожа.

— Лейна Арвель, — произнесла я медленно.

Писец обмакнул перо и записал. Буквы легли на бумагу вверх ногами, но я всё равно прочла: «Лейна Эверт».

— Я сказала Арвель.

— Расторжение не завершено, миледи. По Реестру вы всё ещё носите имя супруга.

— По Реестру я ещё час назад была уважаемой женой канцлера. Не слишком надёжный источник.

Он покосился на начальника, однако тот стоял у двери и изучал стену с таким вниманием, будто надеялся найти там другую службу. Писец промокнул строку песком и перешёл к следующей графе.

— Обвинение: повреждение королевского защитного контура, незаконное вмешательство в зарегистрированные клятвы и клятвенная измена. До особого распоряжения советника Варлена задержанная остаётся под стражей. Есть ли у вас требование, которое следует внести в журнал?

Щипцы с хрустом сомкнулись на кольце. Металл оказался крепче, караульный навалился сильнее и задел кожу. Пока кровь собиралась у ногтя, я пыталась вспомнить материнский передник с дырочкой у кармана. Светлая ткань ещё угадывалась, но стоило потянуться за ней, во рту появился вкус гари. Я перестала. Некоторые потери усилием не вернуть — можно только сделать их последней строкой, которую у тебя не отнимут.

— Запишите требование, — сказала я писцу, пока караульный снова устанавливал щипцы. — Независимая провер-

ка брачного узла и метки Иветты Лорн. И имя запишите правильно. Лейна Арвель. Если места в строке не хватает, начните новую.

Юноша посмотрел на фамилию в журнале. За дверью бил колокол, а в промежутках шуршали гости, покидавшие дом. Писец зачеркнул последнее слово и поверх старательно вывел «Арвель». Кольцо лопнуло в ту же секунду. Когда карательный снял его, на пальце осталась глубокая красная борозда — единственная из сегодняшних ран, которой действительно предстояло зажить.

Глава 3. Человек, которого забывают

До рассвета оставалось около двух часов, и всё это время разрезанное кольцо лежало на столе рядом с серьгами, похожее на маленькую золотую пасть. Караульный перевязал мне палец, писец унёс журнал, а я пыталась понять, что потеряла в регистрационном зале. Светлый материнский передник ещё угадывался, но лица над ним не было. Стоило надавить на память, как чёрная лента вокруг шеи нагревалась и во рту появлялся вкус гари. Корона запрещала мне пользоваться даром и заодно следила, чтобы я не слишком старательно вспоминала собственную мать.

Старший караульный ушёл, сообщив сменщику, что задержанная опасна, способна разрушить дворцовую защиту и, возможно, притворяется спокойной. Последнее звучало особенно подозрительно. Молодой стражник сел у стены, положил алебарду на колени и начал клевать носом. На среднем пальце правой руки белела полоска от снятого кольца; каждые несколько минут он трогал её, не привыкнув к отсутствию металла.

— Жена выгнала? — спросила я.

Он вскинул голову, чуть не уронив алебарду.

— Не положено разговаривать с задержанной.

— Тогда можете молчать. Я и так вижу.

Стражник спрятал руку под стол, но через минуту снова вытащил. На запястье у него дрожала тонкая брачная нить, ещё живая, только сильно натянутая. Она уходила за стену и дальше, в ночной город. Жена не выгнала. Скорее он сам ушёл после ссоры и теперь ждал, что его позовут обратно, не понимая, что за человеком редко бегут, если он уходит достаточно часто.

— Она сказала, что я всегда выбираю службу, — пробормотал он, глядя в дверь. — Хотя сама знала, за кого выходит.

— А вы знали, на ком женитесь?

Он нахмурился. Вопрос показался нечестным, потому что требовал одинаковых правил для двоих.

— Спите лучше, миледи. На рассвете вас переведут в Палату.

— Куда именно?

— Мне не сообщили.

— Значит, к дознавателям памяти.

Стражник ничего не ответил, и этого хватило. В Палате было три места для обвинённой в измене клятвопряхи: в первом задавали вопросы, во втором вынимали ответы из головы, в третье складывали тех, кому после второго уже не требовалась кровать. Я исправляла клятву молчания для одного дознавателя, пока Теодор рассуждал о безопасности государства. Сегодня государству предстояло обезопаситься от меня.

За дверью снова слышались шаги. На этот раз они не замедлились у караульной комнаты. Замок щёлкнул, хотя стражник не успел подняться, и дверь открылась внутрь.

Вошедший пригнул голову под низкой притолокой. Чёрный дорожный сюртук был без вышивки, плащ намок по краям, одна перчатка застёгивалась на три узких ремешка. Волосы у висков тронула седина, левую бровь пересекал шрам, нос когда-то сломали и срастили без заботы о красоте. В тесной комнате сразу стало меньше воздуха. Мужчина не пытался занять пространство — привык, что оно освобождается само.

Стражник вскочил.

— Господин, сюда нельзя.

Незнакомец вынул из внутреннего кармана плоский чёрный знак. Ворон на нём держал в клюве сломанное кольцо. Стражник прочёл надпись, побледнел и уже иначе поставил алебарду: не поперёк дороги, а вдоль стены.

— Милорд Морвейн. Мне не передавали распоряжения о вашем визите.

— Именно поэтому я пришёл сам.

Голос у него был низкий, немного хриплый, без той нарочитой тяжести, которой мужчины при дворе обычно придавливали каждое слово. Он взглянул на меня, на чёрную ленту, потом на разрезанное кольцо. На последнем взгляд задержался дольше.

— Оставьте нас.

— Задержанная обвиняется в клятвенной измене. Советник Варлен приказал...

— Советник Варлен не распоряжается мной уже семнадцать лет. — Морвейн вернул знак в карман. — Если леди Арвель попытается разрушить ещё одну стену, я вас позову.

Стражник посмотрел на мои связанные руки. Возможность переложить ответственность на человека с чёрным знаком показалась ему убедительнее приказа Варлена.

— Четверть часа, милорд.

— До рассвета.

— Но...

— Вы можете остаться и объяснить мне, почему задержанную с повреждённой рукой не осмотрел лекарь. Это займёт примерно столько же.

Стражник вышел. Морвейн дождался, пока шаги удалятся, снял плащ и повесил на пустой стул. С ткани упали две капли воды. Смотреть на мужчину было странно трудно: стоило отвести глаза, и черты начинали путаться. Я помнила шрам, но не могла решить, над какой бровью; помнила сложенный нос, но не его форму. Память заранее отказывалась тратить на него место.

Он сел напротив и положил на стол тонкую тетрадь в чёрной коже.

— Если пришли за подписью, выбирайте другую руку, — сказала я. — Эту сегодня уже использовали без разрешения.

— Я пришёл именно потому, что вы не подписали.

— Тогда вы первый мужчина за вечер, которого устраивает мой отказ.

— Не обольщайтесь. Меня устраивают его последствия.

Он говорил сухо, без улыбки, но в уголке рта на секунду появилась складка. Не любезность, скорее привычка не давать собеседнику слишком долго считать себя победителем.

— Что вы увидели в Реестре?

— На этот вопрос я уже ответила. Меня арестовали.

— Вы ответили советнику Варлену. Мне вы пока сообщили только о состоянии своей руки.

— С ней всё лучше, чем с дворцовой защитой.

— Это я заметил.

Морвейн расстегнул тетрадь. На первой странице были аккуратно записаны дата, место и несколько имён. Моё стояло последним: «Лейна Арвель. Клятвопряха. Помнит чужие обещания ценой собственных воспоминаний». Ниже другой рукой добавили: «Может видеть швы Королевского реестра». Я потянулась бы к тетради, если бы запястья не были связаны.

— Откуда это у вас?

— Первое вы сами сказали в регистрационном зале. Второе я наблюдал из западной галереи Палаты, когда погасит.

— Между вашим наблюдением и моим арестом прошло меньше часа.

— Я умею быстро писать.

— Завидный дар.

— В моём случае — необходимый.

Он перевернул страницу. Листы были исписаны убористо, поверх старого текста местами наклеили полоски бумаги. Почти каждая запись начиналась одинаково: кто вошёл, что сказал, кому нельзя доверять после рассвета. На полях стояли чужие пометки: «Прочтите перед завтраком». «Он уже предупреждал вас дважды».

Имя я встречала в договорах. Северин Морвейн, хранитель Вороньего рубежа, владел землями, которые на картах красили в цвет Короны, но налоги там собирали осторожнее. При дворе его называли Королём Воронов: в лицо — чтобы польстить, за спиной — чтобы напомнить об отсутствии настоящей короны. Его отчёты сопровождали памятки: перечитать предыдущую встречу, не начинать переговоры заново, доверять собственным подписям. Я считала это северной заносчивостью. У северян она часто заменяла отопление.

— Два года назад через мою комнату прошла клятва о перемирии на Вороньем рубеже, — сказала я. — В ней была такая же тетрадь. Ваш советник требовал, чтобы участники читали записи каждое утро.

Северин перестал листать страницы.

— Вы исправляли тот договор?

— В окончательной версии фразу «до тех пор, пока обе стороны помнят условия» заменили на «до прекращения действия печати». Иначе перемирие закончилось бы на сле-

дующий день.

— Канцлер Эверт представил это как собственную поправку.

— Он был очень одарённым человеком. Особенно когда рядом находился чужой дар.

Морвейн посмотрел на кольцо. Я ожидала жалости и заранее приготовилась её не принять, но в его лице не изменилось ничего.

— Ваш муж знал, что ложная метка привязана к Реестру?

— Спросите его.

— Спрашивал. Он сказал, что потрясение повредило ваш рассудок.

— Быстро. Обычно до этого вывода мужчинам требуется хотя бы несколько дней брака.

— Варлен подтвердил его слова.

— А Иветта?

— Леди Лорн потребовала снять метку. Ей объяснили, что процедура опасна для ребёнка, после чего увели к лекарю.

Я опустила взгляд на свои руки. Значит, она всё-таки поверила. Не мне — собственному страху, но на сегодняшний вечер это был почти подвиг.

— Ребёнок настоящий, — сказала я. — Метка нет. Её пришили к регистрационному знаку, чтобы обмануть печать брака. Когда я потянула своё имя, подделка открылась вместе с остальными нитями.

— Какими остальными?

Я подняла голову. Он сидел неподвижно, только большой палец медленно тёр край чёрной тетради. Нетерпение у Северина Морвейна выглядело не как суета, а как слишком хорошо удерживаемая тишина.

— От жен великих домов к дворцовой защите идут жгуты, — произнесла я. — Дар, годы, память, право на детей. От мужчин — несколько красивых золотых нитей, чтобы всё выглядело взаимным. Моей магией питали должность Теодора и часть западного щита. Я попыталась освободить имя, а потянула весь узел.

— И на мгновение разомкнули старые клятвы Короны. Это прозвучало не как вопрос.

— Что именно разомкнулось у вас?

Он закрыл тетрадь и положил поверх неё левую руку. Мизинец был немного искривлён, сустав выпирал сильнее остальных.

— В западной галерее находилось одиннадцать человек. Когда погасли знаки, трое назвали меня по имени. Один вспомнил разговор, состоявшийся девять лет назад. Секретарь Палаты спросила, почему я больше не прихожу к её отцу играть в шахматы. Её отец умер шесть лет назад, и всё это время она каждое утро знакомилась со мной заново.

Он произнёс это ровно. Только большой палец перестал двигаться.

— А потом защита восстановилась, — догадалась я.

— Через двенадцать ударов сердца. Секретарь испугалась, обнаружив перед собой незнакомого мужчину. Остальные вызвали стражу.

— Поэтому вы здесь.

— Поэтому я хочу знать, что вы видите, когда смотрите на меня.

— Сейчас — человека, который пришёл ночью к обвиняемой и не ответил ни на один её вопрос.

— Чёрная лента мешает вам использовать дар?

— В этом её единственная задача.

Северин достал из кармана маленький ключ. Он не потянулся ко мне сразу, сначала положил его на стол между нами.

— Я могу открыть ленту на запястьях на несколько минут. Шейную трогать нельзя: она связана с караульной печатью и поднимет тревогу. Вы согласны посмотреть?

За весь вечер разрешения у меня спрашивали впервые. Это не делало Морвейна хорошим человеком, только подчёркивало, насколько низко остальные установили мерку.

— А если я откажусь?

— Закрою тетрадь и уйду.

— Без обвинения в безумии, угроз оставить без содержания и беременной женщины за дверью?

— Беременной женщины у меня с собой нет.

Я протянула связанные руки.

— Открывайте.

Он обошёл стол и вставил ключ в застёжку. Холодными

пальцами кожи почти не коснулся. Лента упала, и боль вернулась сразу — в ладони, потом под рёбра, где дрожала повреждённая брачная нить. Я вдохнула через зубы.

— Не торопитесь, — сказал Северин.

— После рассвета меня отведут к дознавателям памяти. Времени для осторожности у нас примерно столько же, сколько у моего мужа было уважения к браку.

Я подняла руки и посмотрела сквозь них на мужчину.

Клятва не появилась. Вокруг Северина было ровное тёмное место, будто вырезанное из ткани. Нити от стен, карательной печати и даже моего взгляда доходили до границы и соскальзывали. Я моргнула и на секунду забыла, зачем он сидит напротив. Пришлось вцепиться ногтями в ладонь, вспомнить тетрадь, искривлённый мизинец и три ремешка на перчатке. Детали удержали лицо.

Потом я увидела узел.

Тонкая чёрная нить проходила через имя Северина, будто иглу продели сквозь слово, а другим концом уходила к Королевской палате. На ней висели тысячи пустых петель. Каждая тянулась к встречавшему Морвейна человеку и затягивалась на рассвете, вырывая голос, лицо, прикосновения, ссоры — всё, чего не восстановить по бумаге. Одна свежая петля уже лежала на груди стражника за дверью.

— Вас не забывают постепенно, — сказала я. — Клятва срабатывает на первом солнечном свете. Забирает не знание о вашем существовании, а всё личное. Человек может про-

читать имя, увидеть портрет, узнать должность, но не вспомнит встречу.

— Да.

— Сколько лет?

— Семнадцать.

Я попыталась приблизиться к чёрному узлу. Воздух стал вязким, в висках ударило. Нить заметила меня: одна из пустых петель развернулась и поползла к лицу, нацелившись куда-то за глаза. Северин схватил ленту со стола.

— Достаточно.

— Подождите.

— Я уже видел, что бывает, когда вы не отпускаете вовремя.

— Тогда не отвлекайте.

На краю узла стояла старая королевская печать — не нынешнего монарха и даже не его отца. Её переплавляли и кормили новыми клятвами, чтобы проклятие не слабело после смерти создателей. Недавнее повреждение светлой щелью совпадало с трещиной на моей брачной нити.

Чёрная петля коснулась виска. Я забыла цвет его глаз. Потом — как он вошёл. Имя ещё оставалось, но буквы начали рассыпаться.

— Северин Морвейн, — сказала я вслух. — Левый мизинец сломан. Шрам над бровью. Три ремешка на правой перчатке.

Он быстро обернул ленту вокруг моих запястий и защёлк-

нул замок. Петля исчезла. Я откинулась на спинку стула, чувствуя, как под волосами выступил пот.

— Глаза серые, — произнёс он после паузы.

— Я не спрашивала.

— Вы сказали, что забыли цвет.

— Значит, лента закрывает не только магию, но и рот хуже, чем хотелось бы.

Северин вернулся на своё место. Теперь я различала его лицо без труда, но знала: это временно. Узел уже тянулся к рассвету, и вместе с ним в голове появлялось лёгкое давление, как перед грозой.

— Все забывают? — спросила я.

— Люди — да.

— А кто нет?

— Вороны. — Он сказал это без гордости. — И, судя по вашей реакции, вы ожидали более красивого объяснения прозвища.

— Я ожидала, что вы разводите птиц, чтобы пугать придворных.

— Это приятное дополнение.

Я посмотрела на тетрадь.

— Ваши слуги каждое утро читают записи?

— Те, кто остался. Управляющий представляет мне вчерашних собеседников. Советники изучают протокол, охрана сверяет приказы с подписью. Иногда новые люди решают, что записи подделаны и незнакомец завладел домом.

— А старые?

— Старые научились верить собственному почерку.

— Удобная жизнь.

— Я привык.

— Ложь.

Слово вырвалось раньше, чем я решила, стоит ли его проносить. Прозрачной чаши рядом не было, но Морвейн всё равно взглянул на меня так, будто она стояла между нами.

— К чему именно невозможно привыкнуть, леди Арвель? К тому, что женщина, делившая с тобой постель, утром зовёт стражу? Доказывать друзьям, что вчера они просили о помощи? Хоронить людей, проживших рядом двадцать лет и считавших тебя знакомым по старой тетради? Уточните, чтобы я ответил честно.

Я не отвела глаз, хотя хотелось. Он не повысил голоса, и от этого сказанное легло тяжелее.

— К каждому утру, — ответила я. — Отдельно.

Северин помолчал, затем кивнул.

— К каждому утру — нет.

За дверью скрипнула половица. Молодой стражник прислушивался и, вероятно, уже жалел, что согласился оставить нас одних.

— Зачем ждать рассвета здесь? — спросила я. — Вы уже знаете, что проклятие повреждено.

— Я знаю, что вы его увидели. Это не одно и то же.

— Хотите проверить, забуду ли я вас.

— Да.

— А если забуду?

— Вы проснётесь обвиняемой в клятвенной измене и решите, что ночью у вас не было посетителей. Я продолжу искать другого мастера.

— Их осталось трое. Одна — я. Вторая не подходит к Рестру после того, как ослепла. Третий работает на Варлена.

— Поэтому я рассчитываю на вас.

— А если запомню?

Он посмотрел на окно. Небо за решёткой ещё оставалось чёрным, но нижний край уже начал сереть.

— Тогда после рассвета я сделаю вам предложение.

— Ещё один мужчина с предложением и папкой. Сегодня мне удивительно везёт.

— Папки не будет. И подпись я попрошу не раньше, чем вы прочтёте каждую строку.

— Уже лучше. Осталось выяснить, что вы хотите забрать.

— Сначала проверим, останется ли у вас то, что мне нужно.

Последние минуты ночи Северин провёл за моей тетрадью — так я начала называть её, хотя записи касались его жизни. Он дописывал сегодняшнюю страницу и сверял время с часами. Стражник вернулся по его приказу. До рассвета

он ещё помнил посетителя: косился на чёрный знак, узнавал голос, дважды назвал Морвейна «милордом». Я следила за ним внимательнее, чем за окном.

— Для проверки одного имени этого мало, — сказала я.
— Я могу прочесть его на знаке после рассвета.

Северин убрал часы.

— Верно. Поэтому запомните то, чего нигде не записано. В девять лет я полез к вороньему гнезду, сломал левый мизинец и соврал наставнику, будто птица позвала меня по имени.

Я посмотрела на кривой сустав.

— А на самом деле?

— Хотел украсть птенца.

— Украл?

— Птенец украл пуговицу с моего камзола и улетел. Наставник сказал, что это справедливый итог переговоров.

— Умный человек.

— Я уволил его через пятнадцать лет.

— За пуговицу?

— За измену.

Уголок его рта дрогнул, и лицо стало моложе. Я запомнила это отдельно не из-за красоты: с такой улыбкой Северин Морвейн меньше всего походил на человека, вынужденного каждое утро представляться собственному дому.

Городские часы пробили пять. С последним ударом за окном посветлело; не взошло солнце, просто чёрное небо стало

серым, и этого оказалось достаточно.

Сначала ничего не произошло. Потом чёрная лента на моей шее нагрелась, а в комнате словно дёрнули невидимую нить. Стражник моргнул. Его лицо обмякло на один короткий миг, после чего он увидел мужчину за столом и резко перехватил алебарду.

— Кто вы? Как вы сюда вошли?

Северин не вздрогнул. Видимо, за семнадцать лет можно научиться не реагировать телом, даже если привыкнуть нельзя.

— Опустите оружие. Северин Морвейн, хранитель Вороньего рубежа. Вы пропустили меня в четыре часа семнадцать минут. Запись лежит у вас в левом кармане.

— Я бы помнил.

— Нет.

Стражник сунул руку в карман и вытащил сложенный лист. Я видела, как он узнал собственный почерк и от этого испугался сильнее. Алебарда опустилась, но не до конца.

— Это вы заставили меня написать?

— Вы сами потребовали расписку. На обороте написано, что у вашей жены голубые глаза, а тёща выращивает лук на окне. Эти сведения вряд ли помогут мне захватить королевство.

Стражник перевернул лист. Его уши покраснели.

— Откуда вы знаете про жену?

— Вы рассказали мне ночью. Дважды.

Он посмотрел на меня.

— Миледи, этот человек действительно находился здесь?

Чёрная петля стягивала воспоминания, превращая в сон мокрый плащ, тетрадь, холодный ключ. Имя лежало глубже, зацепившись за трещину в брачной нити. Я потянула осторожно. В висках заболело, но буквы не исчезли.

— Северин Морвейн вошёл в четыре часа семнадцать минут, — сказала я. — С моего разрешения освободил запястье и попросил посмотреть на проклятие. В девять лет сломал мизинец, полез воровать воронёнка. Птица забрала пуговицу, а наставника через пятнадцать лет Северин уволил за измену.

Стражник уставился на меня так, будто к обвинению в измене следовало срочно добавить заражение чужими воспоминаниями. Северин не двигался. Только рука, лежавшая на чёрной тетради, медленно сжалась, и кожа на костяшках побелела.

— Вы помните всё? — спросил он.

— Вы не любите, когда вас жалеют. Записываете встречи сразу, а не перед сном. Ваши глаза серые, хотя сами вы почему-то считаете это важной поправкой. И вы соврали, что привыкли.

Он опустил взгляд. Мне снова послышалось, как вода капает с плаща, хотя ткань давно высохла. Наверное, звук просто запомнился: в отличие от остальных, воспоминанию больше некуда было исчезнуть.

В коридоре загремели засовы. Пришла утренняя смена; вместе с ней приближались тяжёлые шаги человека, который не торопился, потому что все двери и так принадлежали ему. Варлен явился за мной лично.

Северин закрыл тетрадь, но руку убрал не сразу.

— Ночью мне была нужна клятвопряха, способная увидеть повреждение, — сказал он, снова ровно. — После рассвета мне нужен свидетель, который не потеряет моё обещание.

— А мне нужен человек, способный вывести меня отсюда до того, как Варлен доберётся до моей памяти.

— Значит, впервые за долгое время условия можно не записывать за двоих.

Он поднялся и надел плащ. За дверью поворачивался ключ, стражник пятился к стене, а Северин смотрел не на входящего советника и не на ленты у меня на руках. Он смотрел на меня настороженно, почти недоверчиво, словно опаснее обвинённой в измене клятвопряхи была женщина, назвавшая его по имени после рассвета и всё ещё понимавшая, кому оно принадлежит.

Глава 4. Клятва на семь дней

Дверь открылась ровно настолько, чтобы в караульную комнату сначала вошёл советник Варлен, а уже за ним — четверо стражей в серых мундирах и сухая женщина с серебряным футляром под мышкой. Ночь оставила на лице советника две глубокие складки возле рта, однако сюртук был свежим, воротник застёгнут, волосы лежали безукоризненно. Варлен задержался на пороге, увидев Северина. Взгляд скользнул по плащу, шраму, чёрной тетради и остановился на знаке с вороном. Узнавание пришло только после этого — не из памяти, а откуда-то с бумажной глубины.

— Лорд Морвейн, — произнёс он с короткой заминкой. — Ваше присутствие здесь не согласовано.

— На сегодняшнее утро у нас с вами ничего не согласовано, — отозвался Северин. — Вчерашнее вы забыли.

Варлен не спросил, встречались ли они вчера. Его пальцы коснулись внутреннего кармана с утренней памяткой. О проклятии он знал давно, но каждое утро мог заново выбирать, каким сведениям о Северине верить. Удобная разновидность забвения для человека, замешанного в клятве, которая его поддерживала.

— Леди Эверт переводят в Палату, — сказал Варлен, уже обращаясь к стражам. — Снимите с неё только запястную ленту. Шейная остаётся до окончания дознания.

Женщина открыла серебряный футляр. Внутри, на синем бархате, лежали тонкая белая игла и три стеклянные пластинки. Инструменты памяти выглядели чище хирургических и оставляли раны, которых никто не видел. Я знала магистра Орт, второго дознавателя Палаты. Её клятва разрешала вынимать всё, что «требуется для ответа». Слово «требуется» я когда-то пыталась убрать. Палата настояла.

— Я отказалась от имени Эверт, — сказала я. — И требовала независимой проверки до любого дознания.

— Ваше требование внесено в журнал. — Варлен даже не посмотрел на меня. — Его рассмотрят после стабилизации защитного контура.

— Удивительно удачный порядок. Сначала вы заберёте воспоминания о том, что я увидела, потом проверите, не ошиблась ли я.

Магистр Орт поджала губы. Возможно, ей не нравилось, когда назначение её игл объясняли при карауле. Варлен наконец повернул голову.

— Вы повредили Реестр и едва не обрушили западную защиту. В вашем состоянии невозможно отделить действительные наблюдения от последствий магического истощения.

— Поэтому вы привели женщину, которая отделяет наблюдения прямо от человека.

— Я привёл специалиста.

— Я тоже, — сказал Северин.

Он не повысил голоса и не встал между мной и стражами. Просто положил чёрный знак на стол, закрыв им разрезанное кольцо. Ворон держал обломок в клюве, и при утреннем свете казалось, что металл внутри трещины потемнел.

— Повреждение Реестра коснулось клятвы, наложенной на хранителя Вороньего рубежа, — продолжил Северин. — Я заявляю право чёрного поручительства и забираю свидетеля на семь дней для независимого разбора.

В комнате стало тихо. Даже молодой стражник перестал шуршать найденной в кармане запиской. Варлен посмотрел на знак внимательнее, будто надеялся обнаружить неправильную насечку.

— Задержанная не свидетель, а обвиняемая.

— Тогда дознание памяти требует закрытого решения трёх советников и независимого мастера, — сказала я. — Обвиняемую нельзя заставлять извлекать из себя доказательства собственной вины. Это вы добавили в свод после дела барона Дейра.

Варлен медленно перевёл взгляд на меня. Три месяца я правила протоколы того дела, пока Теодор уверял Совет, что справляется сам. Палата вытащила из барона не только разговор, но и слишком много сведений о королевской кухне. Право на закрытое решение появилось не из милосердия — из осторожности.

— А если я свидетель, — продолжила я, — поручительство Морвейна действует до независимой проверки. Выби-

райте формулировку, советник. Только одну.

Северин едва заметно повёл бровью. Вероятно, рассчитывал произнести это сам. Я прожила двенадцать лет рядом с мужчиной, который представлял мои поправки собственными. Второму начинать не стоило.

— Право поручительства не отменяет полномочий супруга, если задержанная признана неспособной отвечать за себя, — сказал Варлен. Он вынул из папки лист, сложенный втрое, и положил передо мной. — Канцлер Эверт дал согласие на восстановительное дознание.

Подпись Теодора стояла рядом с двумя лекарскими печатями: длинный первый штрих, короткий росчерк, ни одной лишней капли. Время — без двадцати пять. Пока я пыталась удержать лицо чужого мужчины, мой муж успел распорядиться тем, что осталось у меня в голове.

Я прочитала текст дважды. Теодор разрешал Палате применить «необходимые способы для восстановления достоверной памяти супруги». Достоверная память была удобнее настоящей: в ней жена канцлера не обнаруживала поддельную метку и не отказывалась отдавать дар вместе с фамилией.

— Он присутствовал при составлении? — спросила я.

— Канцлер подписал добровольно.

— Я спросила не об этом.

— Нет. Документ доставили ему на подпись.

Конечно. Теодор не читал договоры, если был уверен, что

последствия достанутся мне.

Северин взял лист за край. Варлен попытался накрыть бумагу ладонью, но опоздал. Морвейн пробежал текст, затем повернул его к магистру Орт.

— Здесь нет признания недееспособности.

— Две лекарские печати.

— Подтверждают истощение дара. Не отсутствие рассудка. Либо у Палаты появился новый способ ставить диагноз через дверь, либо вы рассчитывали, что никто не прочтёт середину.

— Лорд Морвейн, вы вмешиваетесь в семейное дело канцлера.

— Нет. Я вмешиваюсь в попытку извлечь показания у единственного свидетеля повреждения моей клятвы.

— Свидетель должен принять поручительство добровольно и скрепить его перед знаком. — Варлен впервые улыбнулся, и лицо от этого не стало приятнее. — Леди находится под подавляющими лентами. Её клятва не закрепится. Снять их до передачи я не разрешаю.

— Запястную вы только что приказали снять, — напомнила я.

Магистр Орт закрыла футляр. Ей явно хотелось находиться в другом помещении, где задержанные не знали свод и не разговаривали с забытым лордом.

Северин посмотрел на меня, а не на Варлена.

— Чёрный знак удержит клятву без вашего дара, если вы

назовёте себя и примете условия вслух. На семь дней вы переходите под моё личное поручительство. Не покидаете столицу, не прикасаетесь к Реестру без моего ведома и отвечаете на вопросы о повреждении, если ответ не требует отдавать воспоминания. Я обеспечиваю независимую проверку, защиту и доступ к материалам, касающимся моей клятвы и западного щита.

— Нет.

Варлен коротко усмехнулся. Северин лишь ждал.

— Слишком широкое «не прикасаетесь», — пояснила я.

— Если Реестр сам потянется ко мне, вы получите право обвинить меня в нарушении. «Не предпринимаете намеренного вмешательства». И никаких вопросов о моём браке, которые не связаны с узлом.

— Согласен.

— Моё имя, дар, работа и воспоминания не переходят под ваше управление ни на семь дней, ни на семь минут. Я не обязуюсь повиноваться вам или людям вашего дома. Дверь моей комнаты не запирают снаружи. Вы не вывозите меня из столицы и не передаёте Теодору, Варлену или дознавателям без открытого решения Совета, на котором я присутствую.

— Вы забыли попросить завтрак, — негромко заметил Северин.

— Завтрак входит в защиту. Я не собираюсь тратить на него отдельный пункт.

Молодой стражник кашлянул в кулак, пряча неуместный

смешок. Варлен посмотрел на него, и веселье закончилось.

— Если одна сторона нарушает условие, обязательства второй прекращаются, — продолжила я. — По истечении семи дней поручительство не продлевается молчанием, привычкой или отсутствием возражений. Только новым добровольным соглашением.

Последнюю фразу я сказала, глядя на Северина. Он понял. В брачных клятвах молчание женщины считалось согласием так часто, что постепенно переставало требоваться даже молчание.

— Принимаю, — ответил он. — Добавлю своё. В течение семи дней вы не обязаны использовать дар. Если согласитесь, каждая работа обсуждается отдельно, с заранее названной ценой.

— Какой ценой?

— Не деньгами. Ваш дар забирает воспоминания. Я хочу знать, какое вы готовы отдать, прежде чем позволю вам коснуться моей клятвы.

— Позвольте?

— Неудачное слово.

— Очень.

— Прежде чем попрошу.

Это было лучше. Не безопасно и не разумно, но лучше. За спиной Варлена стражи ждали, когда разговор перестанет быть законным препятствием. На столе лежало разрешение Теодора вынуть из меня правду и вернуть ту, которая устро-

ит Палату. Выбор между плохим и худшим не становился свободой потому, что одно из зол спрашивало согласия. Но право самой назвать условия было неплохим началом.

— Снимите ленту с её запястий, — приказал Северин.

— Я не давал разрешения, — произнёс Варлен.

— Вы распорядились сделать это минуту назад. В комнате пять свидетелей помимо нас. Если хотите изменить приказ, объясните журналу, почему дознание начали с нарушения собственных слов.

Варлен кивнул старшему стражу. Тот повернул ключ в медной застёжке и отступил. Чёрная лента упала на стол. Пальцы затекли так сильно, что я не сразу смогла их разогнуть.

Северин развернул знак вороном ко мне и положил на него правую ладонь.

— Я, Северин Морвейн, хранитель Вороньего рубежа, принимаю Лейну Арвель под личное поручительство на семь дней и обязуюсь соблюдать названные условия.

Чёрный металл потеплел. По столу протянулась тонкая линия, похожая на след мокрого пера, и остановилась перед моими пальцами. Реестр услышал имя. Где-то глубже сразу шевельнулось другое — Эверт, всё ещё пришитое к брачной нити и подтверждённое подписью мужа. Оно попыталось лечь поверх моего, как исправление писца.

— Лейна Арвель, — повторил Северин, сильнее прижав ладонь к знаку.

Он не посмотрел на Варлена, не попросил подтвердить запись и не выбрал фамилию, которая делала процедуру проще. Чужой голос удержал моё имя ровно там, куда я поставила его сама.

Я коснулась металлического края.

— Я, Лейна Арвель, принимаю поручительство Северина Морвейна на семь дней. Обязуюсь не покидать столицу, не предпринимать намеренного вмешательства в Королевский реестр без его ведома и сообщать всё, что увижу в повреждении, если ответ не требует отдавать мои воспоминания. Остальные условия считаю такими же обязательными для него, как эти — для себя.

Знак вздрогнул. Линия обвила моё запястье, прошла над старой бороздой брачной печати и потянулась к Северину. Я ждала привычного укола, вторжения, ощущения чужой руки внутри собственного имени. Ничего не произошло. Нить легла на кожу свободно, оставив между собой и пульсом расстояние. Её можно было чувствовать, но она не тянула.

Ворон на знаке сомкнул клюв. Разрезанное кольцо под ним хрустнуло, хотя никто к нему не прикасался.

— Поручительство принято, — сухо сказал старший страж. В отличие от людей, караульная печать ничего не забывала. — Задержанная передаётся под чёрный знак до пятого часа седьмого дня.

Варлен побледнел не сильно, только кожа у губ стала серой.

— Семь дней ничего не изменят. После их окончания Палата вернётся к дознанию.

— Запишите, — посоветовал Северин. — Утром вам пригодится.

Советник посмотрел на него так, будто на миг вспомнил не встречу, а причину ненависти. Потом это выражение исчезло. Он забрал лист с подписью Теодора, велел снять с меня шейную ленту и вышел, не попрощавшись. Магистр Орт унесла белую иглу. Страж освободил мою шею последней; медная застёжка щёлкнула, во рту сразу пропал вкус гари, а под рёбрами отозвалась повреждённая брачная нить.

Северин взял со стола тетрадь и знак. Разрезанное кольцо осталось лежать между двумя чёрными лентами.

— Ваше? — спросил он.

Я посмотрела на металл. Ещё вчера кольцо нельзя было снять, не разрезав кожу. Теперь оно казалось слишком маленьким, чтобы в нём могли поместиться двенадцать лет.

— Уже нет.

Северин не стал прятать кольцо или произносить что-нибудь утешительное. Просто оставил там, где оно лежало. Для придворного мужчины это почти считалось хорошим воспитанием.

Мы не успели дойти до парадной лестницы, когда на-

встречу показался Теодор. Он всё ещё был во вчерашнем тёмно-синем сюртуке; ворот расстёгнут, на манжете засохла моя кровь. Видимо, переодеться после подписания разрешения на дознание он не успел или не счёл нужным. За ним шли двое служащих Палаты, но, увидев чёрный знак в руке Северина, отстали на несколько шагов.

Теодор сначала посмотрел на меня, потом на мужчину рядом. Лицо Северина ничего ему не сказало; узнавание появилось лишь после взгляда на ворона. Мой муж не помнил человека, с которым собирался спорить, зато прекрасно помнил, что всё ещё имеет право спорить обо мне.

— Лейна. — Он быстро подошёл и взял меня за локоть.
— Куда тебя ведут?

Я высвободила руку. Новая нить на запястье качнулась, но не натянулась.

— Не на восстановительное дознание. Ты должен быть разочарован.

Он увидел тонкую линию поручительства и остановился.

— Что ты сделала?

— Прочитала документ. Тебе когда-нибудь стоит попробовать.

— Я подписал согласие, чтобы избежать обвинения в измене. Варлен сказал, процедура подтвердит, что ты действовала в состоянии истощения, и дело закроют.

— А заодно подтвердит, что никакой поддельной метки не было, если вынуть правильные воспоминания.

— Никто не собирается ничего вынимать.

— Тогда зачем магистр Орт принесла иглу?

Теодор замолчал. Он не знал. В двенадцатилетнем браке это было его самым частым оправданием, хотя вслух он предпочитал произносить «я доверял специалистам».

— Поручительство Морвейна не защита, — сказал Теодор, понизив голос. — Ему нужен твой дар. Он годами ищет способ снять проклятие и использует каждого мастера, до которого может добраться.

— Какое возмутительное совпадение. Тебе тоже был нужен мой дар.

— Я твой муж.

— Вчера ты объявил другой женщине, что она станет твоей женой, а меня попросил передать тебе способности и тихо исчезнуть. Сегодня снова вспомнил о браке, потому что он даёт право распоряжаться моим рассудком. Ты хотя бы сам слышишь, как удобно меняется моя ценность?

Теодор оглянулся на служащих: я говорила слишком громко. Раньше этого хватило бы, чтобы остановиться. Жена канцлера не показывает посторонним, что идеальный дом держится на её молчании. Лейне Арвель правила пока никто не объяснил.

— Иветта едва не потеряла ребёнка из-за того, что ты устроила, — произнёс он.

— Ребёнок настоящий. Метка поддельная. Я сказала это ещё ночью.

— Врач запретил её снимать.

— Значит, сначала следовало не пришивать.

Его взгляд на мгновение ушёл в сторону. Не удивление — быстрый, привычный расчёт. Теодор знал о подделке больше, чем говорил, пусть и не видел самого узла.

— Ты не понимаешь, во что вмешалась, — сказал он.

— Наконец-то мы согласны. Поэтому я собираюсь выяснить.

Теодор снова потянулся ко мне, но на этот раз остановился, заметив, как Северин поднял голову. Морвейн не сделал ни шага. Просто посмотрел на его руку, и Теодор убрал её сам.

— Леди Арвель приняла моё поручительство добровольно, — сказал Северин. — Если она желает вернуться с вами, знак освободит её сейчас.

Теодор повернулся ко мне. На секунду я увидела мужчину, с которым когда-то обсуждала будущий дом и выбирала имена для детей. Воспоминание отозвалось сильнее брачной нити. Оно не оправдывало того, кем он стал; только напоминало, что я не всегда ошибалась. Возможно, он изменился. Возможно, просто перестал притворяться.

— Лейна, — тихо произнёс он. — Пойдём домой. Я отменю дознание. Мы спокойно решим всё без Варлена.

— И без Иветты?

Он не ответил сразу. Этого хватило.

— Моя спальня уже отдана ей или ты собирався поселить

нас по очереди? — спросила я. — Не отвечай. Я сегодня и так узнала о твоей хозяйственности больше, чем хотелось.

Я обошла его. Старая брачная нить под рёбрами рванулась так резко, что пришлось замедлить шаг. Новое поручительство лишь качнулось на запястье. Северин заметил, как я прижала локоть к боку, но ничего не спросил, пока за нами не закрылись двери Палаты.

Во дворе моросил дождь. На крыше чёрной кареты сидели два ворона и выдёргивали паклю из шва. Кучер сверился с первой строкой раскрытой книжки, поклонился хозяину и произнёс:

— Доброе утро, милорд. Простите. Мне велено напомнить себе, что вы предпочитаете не ехать через Рыночную площадь.

— Сегодня через неё, — ответил Северин. — У Палаты должны остаться свидетели, что леди Арвель не исчезла.

Кучер записал распоряжение, затем посмотрел на меня и явно не нашёл подходящей строки.

— Лейна Арвель, — сказала я. — На семь дней.

— Госпожа Арвель, — повторил он, занося имя в книжку.

В карете Северин сел напротив, положил тетрадь на колени и впервые за всё утро позволил себе закрыть глаза. Не надолго — на два удара сердца. Потом открыл и записал время нашего выезда.

— Вы знали, что Варлен принесёт согласие мужа? — спросила я.

— Предполагал. Он предпочитает превращать насилие в семейную услугу.

— А право поручительства?

— Действует. Хотя последние восемьдесят лет им почти не пользовались.

— Почему?

— Потому что поручитель отвечает за нарушение собственной клятвой. Если вы сбежите, попытаетесь снова открыть Реестр или убьёте советника Варлена, чёрный знак возьмёт плату с меня.

— Какую?

— Ту, которую сочтёт равной ущербу.

Я посмотрела на свободную нить между нашими запястьями. Об этой части он в караульной комнате не сказал.

— Удобно пропущенная подробность.

— Вы обсуждали ограничения для себя и для меня. О последствиях моего неверного выбора не спрашивали.

— Значит, всё-таки умеете прятать важное между строк.

— Я умею отвечать только на заданный вопрос. При дворе это считают достоинством.

— А на Вороньем рубеже?

— Там считают поводом переспросить.

Он протянул мне чёрную тетрадь. На свежей странице под временем выезда уже стояло: «Лейна Арвель помнит меня после рассвета. Приняла поручительство добровольно. Не удерживать силой. Не касаться без разрешения. Не называть

Эверт». Последняя строка была подчёркнута один раз.

— Зачем отдаёте? — спросила я.

— В моём доме знают почерк, но сегодня привезут незнакомую женщину. Если управляющая решит, что вы захватили карету, запись поможет.

— А если решит, что мы захватили её вместе?

— Тогда вам придётся поручиться за меня.

Дом Морвейна стоял в северной части столицы. Узкий серый фасад был без гербов; на мокрой крыше чернели десятки птиц. Привратник увидел Северина в окне и потянулся к тревожному колокольчику, но кучер успел показать запись. На крыльцо вышла полная женщина в тёмном платье с карточкой, приколотой к рукаву.

Она прочитала её, прежде чем поклониться.

— Доброе утро, лорд Морвейн. Я госпожа Берт, управляющая вашим столичным домом. Мы знакомы двенадцать лет. Простите, сегодня мне потребовалось чуть больше времени.

— Вчера вы простудились, — сказал Северин. — Вам не следовало выходить.

Госпожа Берт растерялась, потом сверилась с карточкой снова. Внизу чужой рукой было приписано лекарство и время приёма.

— Благодарю, милорд. А леди?..

— Лейна Арвель. Моя гостья и мастер на ближайшие семь дней. Её комнату не запирайте, письма не читать, людей канц-

лера Эверта и советника Варлена не впускать без её согласия. Запишите сейчас.

Управляющая достала из кармана огрызок карандаша. Северин терпеливо повторил распоряжение, пока она заносила каждое слово на оборот карточки. Никто не удивлялся необходимости напомнить хозяйке дома имя хозяина, его право отдавать приказы и моё право закрыть перед ним дверь. На перила сел крупный ворон, наклонил голову и тихо щёлкнул клювом. Из всех, кто встретил нас во дворе, он один узнал Северина без бумаги.

Я поднялась на крыльцо, чувствуя свободную нить новой клятвы и старую боль под рёбрами. После одной ночи семь дней казались почти отдельной жизнью. Госпожа Берт отдала мне ключ; Северин не попросил дубликат. За его спиной она в третий раз перечитывала имя человека, которому служила двенадцать лет, а он делал вид, что занят мокрыми перчатками. Я не знала, какую плату чёрный знак возьмёт с него за мою ошибку и какую — мой дар потребует за его проклятие. Но впервые за много лет мужское обещание не давило мне на горло. Оно лежало на коже свободно, и именно поэтому я чувствовала его сильнее.

Глава 5. Дом, который забывает

К тому времени, когда я спустилась вниз, в доме Морвей-на успели высушить мой плащ и найти платье без чужого герба. Дверь всё это время оставалась незапертой, ключ лежал у меня в кармане. Тело ещё помнило каменную лавку Палаты и ленту на шее. Вымыть это с кожи не получилось, зато кровь исчезла с ладоней, а тёмно-серое платье сидело достаточно плохо, чтобы никто не принял его за попытку понравиться хозяину дома.

Столовую я нашла по запаху хлеба и по голосу госпожи Берт, которая за дверью объясняла кому-то, что незнакомых мужчин нельзя оставлять в комнате с гостьей. Голос был простужен, но непреклонен. Второй голос отвечал спокойно и, к несчастью для управляющей, принадлежал человеку, чей дом она защищала от него самого.

— У него знак с вороном, — шепнула молодая служанка, когда я вошла. Шёпот вышел слышным всем. — Госпожа говорит, знак настоящий, но сейчас подделывают и не такое.

У длинного окна стоял Северин. Без плаща он выглядел не как человек, пришедший с рубежа отнимать у столицы что-нибудь спорное, а как хозяин, которого забыли пригласить к собственному завтраку. На столе было накрыто одно место — для меня. Вторую чашку госпожа Берт держала в руках и не решалась поставить. На её рукаве появилась

свежая строка: «Мужчина со шрамом — лорд Северин Морвейн. Владелец дома. Не звать стражу».

— Доброе утро, — сказала я. — Хотя для некоторых из нас оно, кажется, началось повторно.

Госпожа Берт посмотрела на меня с облегчением человека, которому предоставили живое подтверждение сомнительной бумаги.

— Госпожа Арвель, вы его знаете?

— Да. Северин Морвейн привёз меня сюда из Палаты. Вы встретили нас на крыльце, отдали мне ключ и сообщили, что служите ему двенадцать лет.

Она опустила глаза на чашку. Никакая карточка не могла подсказать, как переживать стыд за то, в чём ты не виноват.

— Простите, милорд. Я прочла утреннюю книгу, но там сказано, что вы уехали в Палату, а о возвращении записи ещё нет. Я решила...

— Вы правильно решили не доверять незнакомцу только потому, что он уверенно вошёл в дом, — ответил Северин. Он забрал у неё чашку не резко, скорее избавляя от необходимости выбрать, ставить её или нет. — И неправильно вышли из постели. Лекарство приняли?

— В восемь, как записано.

— Восемь ещё не было.

Госпожа Берт взглянула на часы, и лицо у неё стало совсем несчастным. Северин сам достал из буфета тарелку. Служанка следила настороженно, готовая защищать серебро от вла-

дельца серебра. Из сада в стекло постучал клювом крупный ворон; Северин поднял защёлку. Птица влетела и устроилась на спинке его стула с видом единственного существа в комнате, которому ничего не требовалось объяснять.

— Его зовут Грач, — сообщил Северин, заметив мой взгляд.

— Это ворон.

— Он не разбирается в придворных названиях.

Птица дёрнула клювом шнурок на его ворота. Госпожа Берт машинально сказала: «Не трогай хозяина», — и осеклась. Память не вернулась. Осталась привычка, спрятанная глубже лица и голоса: рот знал, как прикрикнуть на птицу, а сердце, возможно, узнавало человека раньше разума.

— Запишите моё возвращение и ложитесь, — сказал Северин управляющей. — До полудня домом займётся Фенн. Если он спросит, кто отдал распоряжение, покажите ему мою подпись, а не пытайтесь убедить на словах.

— Вы действительно помнили, что я простудилась? — спросила госпожа Берт.

— Вчера вы чихнули в ведомость расходов и попытались списать пятно на крышу.

Она неожиданно улыбнулась — не ему, а рассказу о себе рядом с ним, — после чего поклонилась и увела служанку. За дверью послышался её кашель и тихий выговор насчёт одной тарелки. Северин сел напротив меня. Ворон немедленно потянулся к маслу.

— Завтрак входил в защиту, — напомнила я, придвигая к себе хлеб.

— Поэтому он перед вами.

— Один.

— Вы не уточнили число тарелок.

Я посмотрела на него поверх чашки. Уголок его рта дрогнул и тут же вернулся на место. Не улыбка — признание того, что удар дошёл. Перед ним лежала каша, уже затянувшаяся серой плёнкой; он съел первую ложку без выражения. Наверное, за семнадцать лет можно привыкнуть к холодному завтраку, если нельзя привыкнуть к каждому утру.

— Вы могли клятвой обязать слуг верить книге, — сказала я.

— Пробовал. Она заставляет подчиниться бумаге, но не помнить человека. Через несколько месяцев слуги начинали бояться собственных записей. Двое сошли с ума. Один до сих пор пишет мне письма и каждое начинает с вопроса, правда ли мы знакомы.

Он говорил, разрезая хлеб на одинаковые куски. Нож один раз скользнул по корке, и Северин остановил руку, пока лезвие не перестало дрожать. Так мало, что можно было принять за усталость. Я не приняла.

— А госпожа Берт осталась, потому что доверяет женщине, которой была вчера, — сказала я.

— Даже если не доверяет мне. Иногда я занят тем, что доказываю управляющему, что не ограбил собственный ка-

бинет.

Грач стащил масло. Северин отнял блюдо, птица каркнула ему в лицо и перелетела на подоконник. В этой ссоре было больше старого знакомства, чем во всём доме. Мне захотелось спросить, сколько людей ушло и сколько женщин просыпалось рядом с ним и звало стражу. Я не спросила. Чужая боль не становилась платой за гостеприимство.

— Вы приготовили место для осмотра? — вместо этого произнесла я.

Северин отложил нож.

— Вы спали три часа.

— Два часа сорок минут. Последние двадцать я слушала, как ваша горничная убеждала себя, что не должна проверять замок снаружи.

— Значит, сегодня осмотра не будет.

— Не вам решать.

Свободная нить поручительства шевельнулась на запястье, но не затянулась. Северин посмотрел на неё, затем на меня.

— Тогда я сегодня не попрошу.

Это раздражало сильнее приказа. Приказ можно нарушить; отказ пользоваться человеком заставлял признать, что пользоваться собой собиралась я сама.

— В Палате я увидела, куда уходит узел, но подавляющая лента глушила дар, — сказала я. — Сейчас повреждение Реестра ещё свежее. Через день оно затянется и снова покажет

только то, что нам разрешают видеть. Я не собираюсь лезть к сердцевине. Один поверхностный проход, не дольше минуты.

— Цена?

— Её нельзя назначить заранее, как плату портному. Дар выбирает по сходству. Если я распутываю брачную клятву, он берёт то, что связано с домом, доверием, иногда с человеком. Если касаюсь забвения, вероятнее всего, заберёт воспоминание о потере или о том, что я пыталась удержать.

— Это перечень способов причинить вам вред.

— Хорошо. Одно воспоминание. Только один законченный эпизод, без имени, навыка или целого года. Если нить потянет дальше, вы разрываете контакт.

— Как?

— Новая клятва проходит между нами. Положите руку поверх моей и назовите меня Лейной Арвель. Если я не отвечу, уберите мою руку от узла, даже если придётся сломать пальцы.

— Вы часто предлагаете ломать вам пальцы до завтрака?

— Только мужчинам, которые прячут последствия поручительства между строк.

Мы записали условия без печатей: глубина, время, способ остановки, допустимая потеря. Северин добавил, что молчание не считается просьбой продолжать. Я — что боль не причина мешать, пока отвечаю на три вопроса: моё имя, его имя и место, где мы находимся. Грач прошёлся по чернилам

и оставил возле последней строки чёрный след. Из всех присутствующих он заверил условия охотнее всего.

— После еды, — сказал Северин.

— После второй чашки чая.

— Это попытка изменить срок?

— Это часть защиты. Я забыла уточнить количество.

На этот раз он всё-таки улыбнулся — коротко и устало, словно мышцы помнили движение хуже, чем госпожа Берт помнила хозяина. Через мгновение выражение исчезло, но я успела заметить. К несчастью для нас обоих, после рассвета мне не полагалось забывать даже такие мелочи.

Кабинет Северина находился напротив моей комнаты. На двери советовали при виде незнакомого мужчины со шрамом сверить портрет и подпись, а ниже от руки вывели: «Не стрелять в ворона». Возле надписи темнело круглое повреждение. Я не стала выяснять, кого перепутали с птицей.

Шкафы занимали стены от пола до потолка, на каждой дверце висела дата. Семнадцать лет жизни, разложенные по полкам: встречи, привычки, причины не доверять живым и мёртвым. На столе лежали три книги. Одна объясняла прислуге, кто такой Северин Морвейн. Вторая — что вчера сделали люди. Третья, самая тонкая, вероятно, содержала то, что он не хотел объяснять никому.

— Где началось проклятие? — спросила я, садясь в кресло возле погасшего камина.

Северин не ответил сразу. Он задвинул шторы так, чтобы солнечный свет остался тонкой полосой на полу, снял с пальца чёрный знак и положил между нами. Грач устроился на карнизе. Его когти тихо царапали дерево.

— Семнадцать лет назад умер мой отец, — произнёс Северин. — Я приехал в столицу подтверждать наследование и заново приносить Короне пограничную клятву. Подписал её вечером. На третье утро мать не узнала меня за завтраком.

— Почему на третье, если узел срабатывает сразу?

— Первые два дня она была у тела отца и никого не принимала. Я не знаю, забыла ли раньше. Знаю только, когда увидел.

Он открыл старый журнал. Под выцветшей датой чужой рукой было записано: «Леди Морвейн потребовала назвать имя мужчины на месте её сына». Ниже молодой почерк Северина добавлял: «Мать поверила кольцу. Не мне».

— Она привыкла к книгам? — спросила я.

— Она научилась доверять собственным записям. По утрам читала их до того, как спуститься. Иногда выходила без чтения и каждый раз спрашивала, почему у незнакомого мужчины глаза её мужа. Отец умер вовремя, чтобы не забыть меня. Это единственная любезность, которую он мне оказал.

Северин закрыл журнал. Я не спросила, сколько лет прожила его мать, ежедневно встречая взрослого сына как дока-

зательство собственной вчерашней жизни. Вопрос и без слов остался в комнате, лёг на пыльные корешки и не исчез.

— Кто принимал клятву?

— Трое советников Короны и мастер Реестра. Двое мертвы. Имя третьего удалено из протокола. Мастер исчез в ту же зиму. Варлен тогда служил младшим писцом при Совете и уверяет, что на церемонии не присутствовал.

— А вы ему не верите.

— Каждое утро я заново читаю причины не верить. Их достаточно.

Я положила левую ладонь рядом с чёрным знаком. Тонкая нить поручительства проявилась между нашими запястьями, свободная, почти прозрачная. Старый узел Северина лежал глубже: тёмное место в воздухе, к которому не хотели крепиться взгляд и мысль. Если смотреть прямо, лицо начинало расплываться; если держаться за детали — кривой мизинец, светлый шрам, чернильное пятно на манжете, — человек возвращался.

— Мне понадобится ваш пульс, — сказала я. — Нить проходит через имя, а имя удерживается кровью. Два пальца на запястье. Не двигайтесь, пока я не скажу.

Северин растянул манжету, но руки не протянул.

— Вы разрешаете мне остановить вас так, как записано?

— Разрешаю. Только для остановки и только если я перестану отвечать.

Тогда он положил ладонь на стол внутренней стороной

вверх. На запястье белели старые тонкие рубцы — слишком ровные для оружия, похожие на следы многократных проб клятвы. Я коснулась кожи указательным и средним пальцами. Пульс оказался медленнее, чем должен быть у человека, который добровольно отдаёт проклятие на осмотр женщине после двух с лишним часов сна. Или Северин умел удерживать тело так же, как голос.

— Лейна Арвель, — сказала я.

— Северин Морвейн.

Нить между нами дрогнула. Я потянулась не к сердцевине, а к ближайшей пустой петле — той, что сегодня на рассвете сняла воспоминание госпожи Берт. Петля открылась легко, как дверь, которую с другой стороны уже держали.

Сначала пришёл запах лекарства от кашля и горячего хлеба. Потом — короткий обрывок вчерашнего дня: госпожа Берт чихает над ведомостью, Северин молча подвигает ей платок, она сердится, потому что он заметил слабость. Воспоминание существовало. Не в её голове, но и не исчезло. Его вытянули тонкой чёрной нитью, провели сквозь стены дома, через мокрые улицы и дальше, к Королевской палате. Тысячи таких нитей лежали одна поверх другой, и каждая несла что-то личное: смех, прикосновение, сказанное вполголоса имя, ярость после предательства. Не знания. То, что делало знание своим.

Я пошла за ними.

Столица проступила под закрытыми веками как грубая

ткань, прошитая золотом. Нити от дома Морвейна собирались под западным крылом Палаты, где на старом фундаменте стояла печать Короны. Я видела её прежде в копиях — круг с семью башнями, снятый с употребления больше полувека назад. Здесь печать оставалась живой. Внутри неё, слой за слоем, хранились украденные утра. Они не лежали неподвижно: их медленно перемалывали в ровный свет, который уходил к западному щиту.

Проклятие не просто стирало Северина из людей. Оно собирало плату за каждую встречу.

— Лейна Арвель, — голос донёсся издалека. — Где мы?

— В вашем доме. Столица. Кабинет.

— Моё имя?

— Северин Морвейн. Не мешайте.

Я знала, что минута заканчивается, но под печатью увидела ещё одну нить — толще остальных, с золотой оплёткой того же оттенка, что жгуты от жён великих домов. Она уходила не к Северину, а глубже, в общий узел. Западная защита питалась не только женщинами, которых убедили назвать отдачу супружеским долгом. Человека, которого все забывали, превратили в неисчерпаемый источник: чем больше он пытался жить, тем больше личной памяти производило проклятие, чтобы утром забрать её для Короны.

Я коснулась золотой оплётки. В ответ узел раскрылся и потянулся ко мне.

Цена пришла не болью. Сначала я увидела летнюю веран-

ду дома Арвелей, зелёную краску на перилах и Теодора, ещё не канцлера, в сюртуке с чернильным пятном на рукаве. Он стоял слишком прямо, потому что волновался, и говорил мне что-то, чего прежде не говорил ни одной женщине — по крайней мере, тогда я ему верила. Я успела понять, какое воспоминание выбрал дар. Потом исчез звук. Следом стёрлась погода, цвет его глаз, ощущение собственной руки в его ладони. Остался голый факт: когда-то Теодор впервые сказал, что любит меня. Где, каким голосом и что я ответила, больше не существовало.

— Лейна Арвель.

Чужая ладонь накрыла мою. Новая клятва вспыхнула прохладой, но старый узел уже затягивал следующий оборот, примеряясь к чему-то большему — не к минуте, а ко всем двенадцати годам. Северин резко выдернул мою руку. Пальцы ударились о край стола, в запястье хрустнуло, кабинет вернулся разом: полоска света на полу, карканье ворона, привкус крови во рту.

— Ваше имя? — спросил Северин. Он стоял рядом на одном колене и держал меня за запястье ровно там, где разрешала запись. На его лице не было привычной неподвижности.

— Лейна Арвель.

— Моё?

— Северин Морвейн. Мы в вашем кабинете, и вы всё-таки едва не сломали мне пальцы.

Он отпустил сразу. На коже остались светлые следы, но боль шла не от них. Я закрыла глаза и попыталась ещё раз вызвать веранду. Нашла перила — знала, что они были. Нашла Теодора — знала, что он сказал. Между знаниями зияло чистое место, слишком аккуратное, чтобы его можно было принять за обычную забывчивость.

— Что забрало? — тихо спросил Северин.

— Первое признание Теодора.

— Мне жаль.

— Не надо. — Я открыла глаза. — Не превращайте это в подарок судьбы. Если человек предал меня позже, воспоминание о том, что раньше он был другим, не становится ненужным. Возможно, я ошибалась уже тогда. Но это была моя ошибка.

— Я не собирался называть потерю подарком.

Он поднялся, налил воды и поставил стакан так, чтобы мне не пришлось тянуться. На его запястье проступила чёрная полоса — там, где моя нить соприкоснулась с проклятием. Я коснулась памяти ещё раз. Факт оставался, чувство исчезло. Так люди знали Северина каждое утро: должность, имя, подпись — и ни одной причины, по которой его появление должно что-нибудь значить.

— Запишите цену, — сказала я.

— Сначала лекаря.

— Сначала цену. Иначе завтра мне покажется, что я просто не могу вспомнить.

Он принёс тонкую книгу без надписи и подал перо. Я написала: «Первый раз, когда Теодор Эверт сказал, что любит меня. Событие известно, личное воспоминание отсутствует». Чернила расплылись на последнем слове. Северин отвернулся к шкафу, делая вид, что ищет лекарский футляр. Милосердие у него выглядело как возможность не быть увиденной в неподходящую минуту.

— Воспоминания о вас не уничтожены, — сказала я, когда смогла удержать голос. — Их хранят под старой королевской печатью и понемногу сжигают в западном щите. Поэтому повреждение Реестра на миг вернуло людям прошлое: подача оборвалась, хранилище открылось.

Северин замер у шкафа.

— Их можно вернуть?

— Некоторые. Пока не истрачены. Но если разомкнуть печать целиком, западная защита снова упадёт, а тысячи людей получат сразу годы чужих для них воспоминаний. Кто-то вспомнит друга, кто-то — обвинённого во вторжении любовника, кто-то узнает, что подписал приказ против человека, которому вчера обещал помощь.

— Значит, нужен текст первоначальной клятвы.

— Не протокол и не поздняя копия. Та, которую вы подписали кровью. В ней должен быть путь к хранилищу и условие, по которому вас сделали сборщиком.

— Оригинал исчез вместе с мастером Реестра.

— Оригиналы такого уровня не исчезают. Их объявляют

утраченными, а потом запирают там, куда не пускают людей, способных прочесть лишнее.

— Под западным архивом Палаты есть старое хранилище. Варлен утверждает, оно заложено камнем.

— Варлен много чего утверждает до появления иглы памяти.

Северин вернулся к столу, но садиться не стал. Чёрная полоса на его запястье медленно бледнела. Он смотрел на запись о моей потере, не касаясь книги.

— Я больше не попрошу вас посмотреть проклятие, пока мы не найдём текст и способ ограничить цену надёжнее моего слова.

— Вы снова решаете за меня.

— Нет. Сообщаю, чего не стану просить. Если решите сами, придётся снова спорить за завтраком.

— Тогда велите накрывать две тарелки.

В дверь постучали. Не дождавшись ответа, госпожа Берт приоткрыла её на ширину ладони; карточка всё ещё была на рукаве, поверх неё добавилась новая бумажка с крупным словом «ОТДЫХАТЬ». Вид у управляющей был виноватый и упрямый.

— Госпожа Арвель, у чёрного входа оставили письмо для вас. Девушка из дома канцлера. Наш человек попытался расспросить, но она убежала. Я конверт не вскрывала, как приказано.

Она протянула сложенный вчетверо лист без печати. Моё

имя было написано неровно, с кляксой на букве «р». Я узнала почерк Иветты по запискам, которые она присылала Теодору в последние месяцы и которые он забывал убирать со стола, уверенный, что жена не читает чужого. Я и не читала. Достаточно было видеть, как часто появляется её имя.

Внутри оказалось всего четыре строки.

«Лейна. Метка тянет ребёнка. Я чувствую это, когда он двигается, и сегодня стало хуже. Теодор не позволяет её снять. Если вы солгали, я вас возненавижу. Если нет — помогите».

К нижнему краю был привязан кусок золотой нити. На вид — шёлк от придворной вышивки, но под пальцами он согрелся, и старая брачная борозда под рёбрами ответила тупым рывком. Иветта отрезала нитку от собственной метки. Подделка уже не просто держалась на Реестре — она тянула из ребёнка то, чего у него ещё не должно было быть: имя, право на рождение, возможно, годы.

— Это связано с узлом? — спросил Северин.

— Да. И если я прикоснусь к метке, поручительство сочтёт это намеренным вмешательством в Реестр. Поэтому сообщая вам заранее: я собираюсь её осмотреть.

— В доме канцлера вас ждут люди Варлена.

— Значит, через парадную дверь мы не пойдём.

Я убрала записку и золотую нить в карман. Помочь Иветте означало войти в дом, из которого меня выгнали, спасти ребёнка моего мужа и встретить человека, уже распорядив-

шегося моей памятью. Но ребёнок не пришивал к себе поддельную метку, не подписывал согласие на иглу и не обещал любить меня на веранде, которой больше не осталось. Северин протянул руку к колокольчику, потом остановился, ожидая последнего слова. Свободная нить качнулась, не удерживая и не подталкивая, и я сказала, что карету подавать не нужно: у дома канцлера были служебные ворота и калитка в аптекарский сад, ключ от которой Теодор двенадцать лет считал потерянным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.